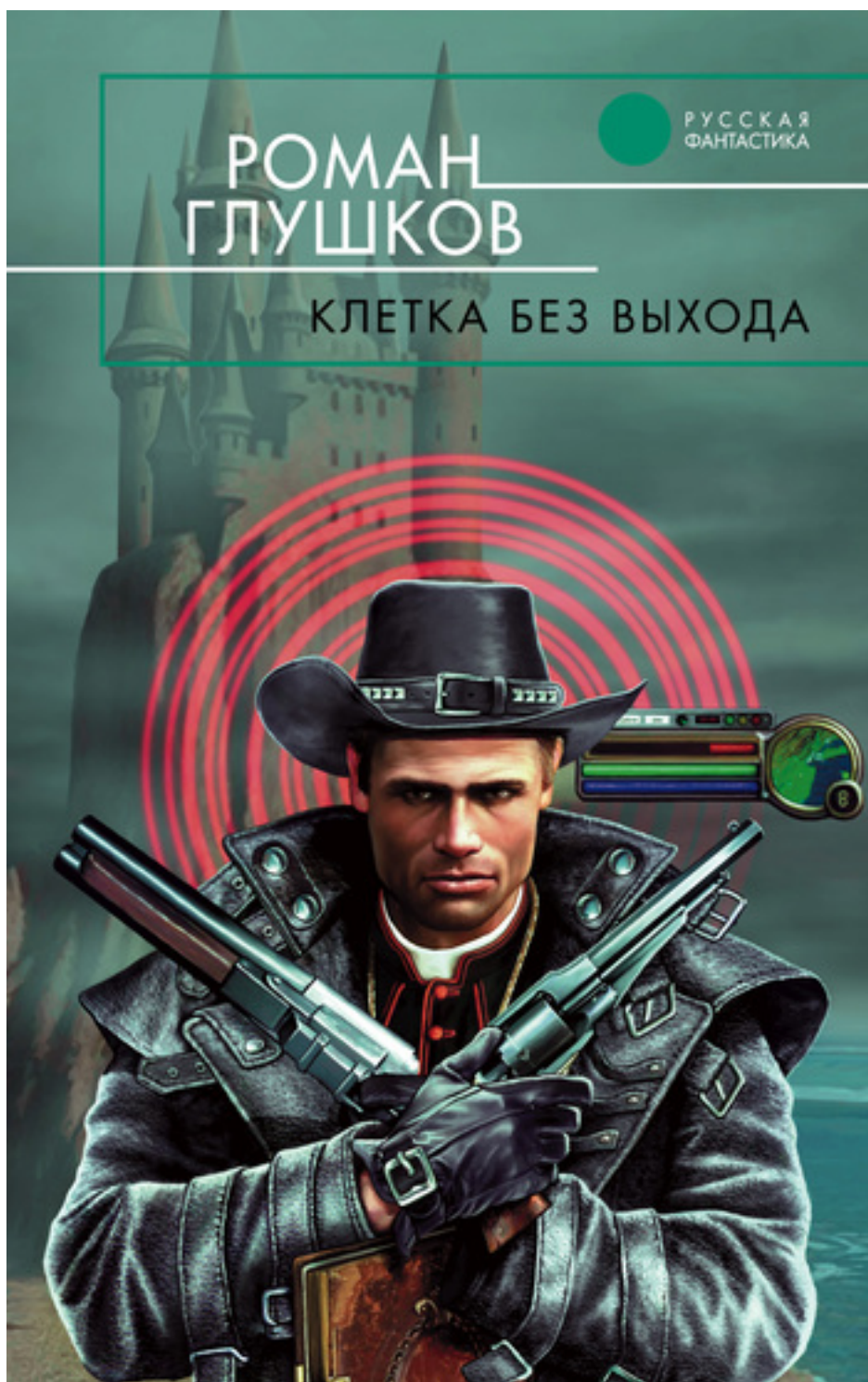

РОМАН
ГЛУШКОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

КЛЕТКА БЕЗ ВЫХОДА

Роман Анатолевич Глушков

Клетка без выхода

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138344
Клетка без выхода: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-14796-9

Аннотация

Аферист и налетчик Арсений Белкин привык к рискованной жизни. Однако сюрприз, который судьба преподносит Арсению во время очередного ограбления, выходит за всякие рамки. Получив смертельные ранения, неудачливый грабитель не попадает в тюремный госпиталь или морг, а непостижимым образом оказывается в загадочном мире Терра Нубладо, полностью отрезанном от привычной Белкину реальности и живущем по особым законам, которые показались бы жестокими даже на Диком Западе. Пытаясь найти ответ на вопрос, куда забросила его судьба, Арсений еще не подозревает, что стал пешкой в грандиозной игре, затеянной создателями виртуальной реальности нового поколения.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	26
Глава третья	44
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Роман Глушков

Клетка без выхода

Я видел удивительное – тот, кто умер, победил смерть, ибо над ним она больше не властна.

Кабир

Глава первая

— Доброе утро, мистер Мэддок. Проходите, располагайтесь. Что желаете: чай, кофе?

— Здравствуйте, мистер Адамс. Спасибо, ничего не надо. Хотелось бы сразу перейти к делу.

— Как вам угодно. В таком случае, докладывайте. Вижу, вы в настроении. У вас есть для меня хорошие известия?

— Совершенно верно, мистер Адамс. Профессор Эберт просил вам передать, что наши вложения в проект «Джесси Джеймс» полностью оправдались. Результаты экспериментов положительные и стабильны. А сегодня утром мне даже удалось познакомиться с нашим подопытным!

— Просто потрясающие новости, Патрик! Ну и как настроение у этого тупого бандита?

— Сказать по правде, Джесси не такой тупой, как мы привыкли о нем думать. Разумеется, сейчас он дезориентирован и плохо подчиняется приказам, но при желании с ним можно говорить практически на любые темы. Само собой, кроме научных. Вданном вопросе он мало что смыслит.

— Надеюсь, вы не сообщили Джесси, что с ним произошло и где он находится?

— Конечно, нет, мистер Адамс. Разглашение этой информации подопытному поставит под угрозу весь проект. Мы понятия не имеем, как Джесси отреагирует на правду, и не собираемся рисковать, проверяя это. На данный момент наш «воскресший» гадает, умер он и попал в загробный мир или чудом выжил после того ограбления и участвует в некоем интерактивном шоу. Думаю, со временем он остановит свой выбор на первой версии.

— А вы не допускаете, что может найтись добрая душа, которая откроет Джесси истину, мистер Мэддок?

— Маловероятно, мистер Адамс. Скитальцы беспрекословно соблюдают закон Мертвой Темы, и Джесси уже имел шанс убедиться, что бывает с теми, кто задает лишние вопросы.

— Подопытный не пострадал?

— Ничуть. Мы нарочно не стали мелочиться и заранее присвоили Джесси статус маэстро проксимо-боя.

— Правильное решение, Патрик. Что ж, передайте профессору Эберту от меня огромную благодарность. Старина Элиот еще раз доказал, что мы не прогадали, предоставив ему работу после всех громких скандалов вокруг его имени.

— Элиот Эберт непременно останется доволен вашими теплыми словами, мистер Адамс. Значит, вы даете нам «добро» на начало второго этапа проекта «Джесси Джеймс»?

— Не только даю, но и настаиваю на скорейшем его осуществлении, мистер Мэддок. Джесси нужен в Терра Нубладо как воздух. Сегодня там царит не свобода, а настоящая

анархия. Это грозит нам массовым исходом. Не спорю, исход неизбежен, но он должен произойти естественным путем и не сегодня. Вы согласны, Патрик?

– Абсолютно, мистер Адамс. Пока мы прогнозируем массовый исход из Терра Нубладо лишь через четыре года. К тому времени нами будет полностью подготовлена к заселению Терра Олимпия, поэтому убытки от исхода сведутся к минимуму.

– Я слышал, Патрик, вы разрешаете вашей дочери посещать Терра Олимпия. И каковы ее первые впечатления?

– Анабель безумно нравится гулять по этому миру, пусть он пока и далек от совершенства. Она уверена, что из трех наших миров Терра Олимпия – самый лучший. Думаю, мы движемся в правильном направлении.

– Как, кстати, самочувствие вашей девочки?

– Благодарю вас, сейчас все хорошо. Вы очень помогли ей, мистер Адамс, познакомив нас с академиком Госсом. Анабель вернулась из его клиники просто другим человеком.

– Мне приятно это слышать. Если потребуется еще какая помощь, непременно обращайтесь. Разумеется, Патрик, вы запретили Анабель появляться сегодня в Терра Нубладо? То, что происходит там в настоящий момент, противостоит и дико.

– Я пытался, но... Анабель было не удержать. Ей нравится жить в этом мире, даже несмотря на беспорядки. Порой мне кажется, что только там Анабель по-настоящему счастлива. У меня просто не поднимается рука лишить дочь ее единственной радости. Именно по этой причине я согласился возглавить наш проект по восстановлению порядка в Терра Нубладо. И я непременно доведу его до конца. «Джесси Джеймс» готов начать свой крестовый поход.

– Что ж, попутного ему ветра... Вот ведь какие парадоксы иногда преподносит судьба, Патрик: двадцать лет назад этот Джесси со своими друзьями хотел разорить нашу корпорацию на солидную сумму, а сегодня ему приходится спасать нас же от убытков. Я надеюсь, ублюдку понравится его новый мир и он в нем приживется.

– Он приживется, мистер Адамс. Могу вам это гарантировать. Терра Нубладо просто создан для таких, как наш Джесси. Какому еще бандиту доводилось попадать после смерти в настоящий бандитский рай?..

В Терра Нубладо многие вещи выглядят, мягко говоря, странно. Даже дорожная грязь чавкает под ногами как-то по-особому мерзко. На вид вроде бы обычная грязь, и сапоги в ней вязнут, а все равно, прошагав немного по раскисшей дороге, понимаешь: что-то здесь не так. Хоть беги по этой грязи сломя голову, хоть шагай в неторопливом темпе, изменится только ритм монотонных чавканий. Сами же звуки будут однообразны, словно удары метронома.

Тик-так, тик-так...

Хлип-хлюп, хлип-хлюп...

Ничего оригинального, и предсказуемо на сто шагов вперед.

Впрочем, если не заикливаться на этой мелочи, она вскоре перестает раздражать. А когда беседуешь с попутчиком, то и вовсе про нее забываешь. Жаль только, что попутчики редко составляют мне компанию, поэтому и приходится в своих постоянных скитаниях слушать лишь звуки окружающего мира: пение птиц, стрекот цикад, ветер, шелестящий в листве... Или как сегодня: шум дождя, дробный стук капель по полям шляпы да хлюпанье промокших сапог. Правда, еще одним средством от скуки служили раздумья, тягучие и хмурые, подобно тучам над головой.

От раздумий никуда не убежать, и я давно смирился с мыслью, что они – мое вечное проклятье. Такое же, как и Терра Нубладо – мир, где я вынужден находиться уже без малого пять лет. Не жить, а именно находиться, ибо то, что принято называть жизнью, осталось для меня в прошлом. Поэтому разрешите представиться: Арсений Белкин – бывший грабитель

и прожигатель жизни, бывший незаконный эмигрант, бывший человек... Короче, по всем статьям – бывший.

В мире, где я родился и вырос, уже нет человека по имени Арсений Белкин, жившего в начале двадцать первого века и занимавшегося незаконной деятельностью в странах Западной Европы. Такой образ жизни в конечном итоге и привел к тому, что в ходе последнего ограбления я был щедро наспигован свинцом. Но по странному капризу судьбы не умер, а спустя какое-то время очнулся в здравом уме и твердой памяти. Только не на больничной койке тюремного госпиталя, а здесь, в незнакомом мире под названием Терра Нубладо. Мире, где отсутствовал горизонт, даже в ясную погоду затянутый клубами тумана. Необъяснимый туман рассеивался при приближении, а потом словно из ничего постепенно сгущался за спиной. Туман присутствовал в Терра Нубладо постоянно, независимо от того, было ли тепло, холодно, светило солнце или моросил дождь. Поначалу это явление крайне раздражало, но со временем я перестал обращать на него внимание, объяснив его преломлением света в атмосфере.

Я пришел на туманный материк, сохранив прежнее тело и память, но утратив имя. Однако этот мир не счел нужным дарить мне новое. Чудом воскресший Арсений Белкин был сегодня известен в Терра Нубладо как Проповедник. Но проповедовал я не любовь и всепрощение, а жесткие законы Баланса – единственно правильную религию этого мира. Мои проповеди предназначались исключительно для одержимых Величием – нечестивцев, ступивших на гибельный путь Дисбаланса – местного воплощения абсолютного зла.

Любой христианский златоуст мгновенно утратил бы дар речи при виде моих методов убеждения паствы. Однако с одержимыми Величием иначе было нельзя. Я воздействовал на грешников при помощи слов Откровения, а также двуствольного штуцера «Экзекутор», носимого мной под плащом-накидкой. Причем последним приходилось пользоваться гораздо чаще. Несовместимый набор подручных средств для проповедников моего родного мира, но в Терра Нубладо такое совмещение несовместимого выглядело вполне нормально. Как говорится, по пастве и проповедь.

Что поделаешь, законы Баланса – это не десять заповедей Христовых, о которых здесь слыхом не слыхивали и которые в моем мире всяк был волен нарушать как ему заблагорассудится. С местными законами такое своевольное обращение было недопустимо. Малейшее колебание Баланса приводило к катастрофическим последствиям – свободный мир постоянно находился на грани хаоса. Почти все обитатели Терра Нубладо это понимали, но, к сожалению, находились среди них такие, кто целенаправленно стремился к Дисбалансу, проносясь его разрушительными идеями. Дабы образумить этих одержимых, мне и были дарованы Балансом всеисильные слова Откровения. А крупнокалиберный штуцер для их пущей убедительности – это уже как само собой разумеющееся.

Благодаря моим проповедям, сегодня в Терра Нубладо уже не было того засилья одержимых Величием, как раньше. Они периодически объявлялись то здесь, то там, но массового характера их грехопадение не носило. И все же каждый из зафиксированных фактов одержимости нуждался в дотошной проверке, поэтому я до сих пор продолжал мотаться по провинциям, таская свой крест Проповедника.

Арсений Белкин – Проповедник! Да, удивительную долю уготовила мне судьба в странном мире Терра Нубладо, ставшем для меня загробным...

Хорошо сказано: «Каждому воздастся по его вере». Короткая фраза, однако принцип высшей справедливости отражен в ней достаточно емко; принцип, не делающий исключения даже для тех, кто вообще не верил в пресловутую высшую справедливость. Вот и мне воздалось: не верил, а значит, не получил никакого снисхождения. Пришлось убедиться в этом на собственной шкуре, только не при жизни, а уже после смерти. Насколько распространялась моя вера, настолько и отмерил мне справедливости Высший Судья.

Счастлив тот, чья отлетевшая в иной мир душа обрела желанный покой, растворившись в какой-нибудь райской нирване или чем-то подобном, что испокон веков олицетворяло для человека посмертное счастье и куда мне давно был заказан путь. Впрочем, я не особо-то и рвался в райские кущи. Жил, как считал правильным, брал от жизни все, до чего мог дотянуться, и соблюдал моральные принципы, какие обременяли меньше всего. Но вот ведь как получилось: кандальная гиля моих грехов оказалась недостаточно тяжелой, чтобы утащить грабителя и афериста Арсения Белкина напрямик в ад.

А куда утащила, я и сам толком не знал.

Что для меня Терра Нубладо? Милосердие или наказание? Рай или ад? Добро или зло?.. Мои родители – убежденные христиане, – от которых я с малолетства выслушивал всякий религиозный бред, понятия не имели, что материи, которые виделись им только в черно-белых тонах, в действительности обладают множеством оттенков. Что я твердо уяснил в своей загробной жизни: нет в природе ни рая, ни ада, по крайней мере, в том виде, какими их принято представлять. В этом и заключена суть высшего правосудия: виновны все, и потому со всех взыскивают одинаково. Мы ждем после смерти либо наказание, либо награду, а получаем вовсе не то, на что рассчитывали.

Праведники ропщут – не таким блеклым представляли они себе царствие небесное, куда стремились всю свою праведную жизнь. Праведники не ведают, что расплачиваются крахом хрустальных замков за свой подсознательный эгоизм: «я бескорыстен и добр при жизни только потому, что убежден – на том свете со мной сполна за все рассчитаются». Вот и получите расчет, аккурат «по вере вашей».

Грешники, ожидавшие вечные муки, поначалу радуются: оказывается, не все так плохо, как предполагалось! Погодите, вскоре на смену вашей радости тоже придет раздражение. По себе знаю. Вот, к примеру, мой список наказаний: пытка одиночеством, страх и недоверие ко мне всех подряд, жуткие приступы беспамятства, а также обязанность держать язык за зубами и исполнять чужую волю. Все это безусловно гуманнее дьявольского котла с кипящей серой, но приятного в такой жизни тоже мало.

Ради справедливости, однако, следует упомянуть и о плюсах загробной жизни грешника Белкина, с некоторых пор именующегося Проповедником. Я обладал свободой и мог расхаживать беспрепятственно по всему матерiku. Мне позволялось жить по особым законам и открывать ногой любые двери, поскольку я считался слугой Баланса – бойцом самой крутой местной «конторы». Мне была доверена великая тайна Откровения, что также следовало считать за честь. Никто из обычных обитателей Терра Нубладо не мог похвастаться столь привилегированным статусом. Даже власти предержажные. Их вседозволенность, бывало, выходила за рамки приличия, но редко когда переступала границы законов Баланса. Местные небожители чтили общепринятый высший порядок и уважительно относились к тем, кто поддерживал его.

И без того ограниченная туманом, в дождь видимость в Терра Нубладо ухудшалась еще сильнее. Сейчас я мог толком рассмотреть лишь то, что находилось от меня максимум в двадцати шагах. Единственно верным ориентиром являлась лишь окончательно раскисшая дорога. Месить грязь мне уже осточертело, но сбежать от этого монотонно чавкающего проклятия было нельзя. Вдоль дороги пролегали широкие, уже успевшие наполниться дождевой водой канавы, огороженные невысокими заборами, служащими одновременно и границами пастбищ. Погруженный в раздумья, я пропустил момент, когда ступил на обжитые территории, и теперь при виде изгородей у меня приподнялось настроение. Я приближался к фермерскому поселку, а там непременно будет постоянный двор, в котором для скитальца отыщется сухой уголок и горячий ужин. По всем признакам, дождь стихал, и где-то к полуночи он обещал прекратиться вовсе.

Странное чавканье было не единственной отличительной чертой местной грязи. Второй ее особенностью являлось мгновенное высыхание, что определенно лишало здешних свиней одной из главных радостей в их свинской жизни. Так что если после полуночи распогодится, уже к рассвету я отправлюсь в дальнейший путь по сухому тракту.

Мне еще не доводилось бывать в здешних местах, хотя по многим дорогам Терра Нубладо я хаживал не однажды. Правда, я мог и заблуждаться. Музе дальних странствий ничего не стоило занести меня сюда во время очередного провала в памяти, какие иногда со мной происходили.

Пристрастие к спиртному, коим страдал я при жизни, в загробном мире меня совершенно не беспокоило. Поэтому, в отличие от хронического алкоголика Белкина, Проповедника можно было с чистой совестью назвать трезвенником. Однако беспричинные приступы амнезии, после которых воспоминания о забытых часах, а иногда и днях, так и не восстанавливались в памяти, давали повод задуматься о «дурном наследии», оставленном мне прежним образом жизни. Порой я засыпал в одном месте, а просыпался в другом, отмахав в состоянии лунатизма довольно приличное расстояние. И хорошо, если просыпался на постоялом дворе или в постели какой-нибудь вдовствующей фермерши. Случалось, что сознание возвращалось ко мне в дороге, прямо на ходу. При этом я всегда спотыкался и падал, поскольку редко удавалось после таких пробуждений сразу сориентироваться в пространстве и времени. Проклиная все на свете, я тогда усаживался прямо на обочину и тужился вспомнить, что происходило со мной в забытьи, но, как и любой лунатик, ничего не припоминал о своих бессознательных похождениях.

И все же кое-что после таких приступов в голове задерживалось. Я мог совершенно не помнить, где и когда происходила наша встреча с маэстро Гвидо, однако его приказы отпечатывались у меня в памяти даже в состоянии амнезии.

Пожилой скиталец Гвидо, которого я прозвал за глаза Занудой, был, пожалуй, моим единственным другом в Терра Нубладо. С поправкой на то, что другом на туманном материке можно было считать любого, кто искал с тобой встречи без намерений поквитаться за старые обиды. Меня давно терзало подозрение, что Зануда причастен к моим провалам в памяти и исподтишка воздействует на мое сознание каким-нибудь гипнозом. Но дальше подозрений эти догадки не продвинулись. За руку я Гвидо не ловил, да и далеко не каждое его появление было сопряжено с приступами беспамятства.

Гвидо обладал в Терра Нубладо почетным статусом «маэстро». Титул этот ты имел право носить, если сумел добиться абсолютного, непререкаемого авторитета. Неважно, в какой области – главное, чтобы о твоих заслугах пошла гулять стойкая молва, а сам ты мог при надобности доказать любому несогласному, что почетная приставка «маэстро» перед твоим именем – отнюдь не фикция. Испытание на подлинность проходили не все, и самопровозглашенных «маэстро» раскусывали сразу. Настоящих носителей знака высшей доблести в туманном мире было очень мало. Мой друг Гвидо относился как раз к таким.

Зануда не являлся маэстро в боевых дисциплинах, наоборот, его коньком всегда была сугубо мирная дипломатия. Гвидо был кем-то вроде странствующего мирового судьи. Частенько диктаторы провинций нанимали его, чтобы без кровопролития уладить какой-либо несущественный спор. Авторитет Гвидо в урегулировании конфликтов был непререкаем. Во-первых, мой друг относился к старожилам Терра Нубладо, а во-вторых, был совершенно неподкупен и порой только из принципа отказывался от огромных вознаграждений. Гвидо ценил авторитет маэстро дипломатии превыше всего – это и являлось его главнейшим достижением в жизни.

А еще Зануда, как и я, служил Балансу и был не только моим старшим товарищем, но также координатором и посредником, доведившим до меня волю наших покровителей.

Подозреваю, что, если бы не это веское обстоятельство, Гвидо никогда не стал бы со мной сотрудничать, так как он, в свою очередь, тоже считал меня несусветным занудой...

– Стезя несущего Откровение терниста, но почетна, – с пафосом заметил Зануда три дня назад, во время нашей последней встречи, когда я по привычке попытался втянуть его в очередной спор. Гвидо, как обычно, сразу перешел на менторский тон и не преминулшний раз напомнить мне о долге Проповедника. – Откровение – это дар, который дается не за жизненные заслуги или добродетель. Выбор Баланса непредсказуем, но не случаен. И если он избрал тебя из множества достойных, ты должен покорно склонить голову и подчиниться. К тому же Откровение даровано тебе не для личной пользы, а для восстановления порядка в мире. Проповедник – всего лишь посредник, маленькая гирька на рычаге весов мироздания. От ее перемещения зависит выверенность Баланса. Мир меняется, и на платформе его весов никогда не лежит постоянный вес. Поэтому, подобно гирьке, Проповедник тоже должен находиться в движении и ни на минуту не забывать о своем предназначении...

– Эй-эй, притормози! Не надоело в сотый раз твердить об одном и том же? – раздраженно перебил я Гвидо. – И почему, когда я начинаю задавать вопросы, ты всегда прячешься от них за развесистыми словесными дебрями?

– Ты знаешь почему, – обиделся Зануда. – Потому что все твои вопросы так или иначе касаются Мертвой Темы. Да, ты – Проповедник – можешь вполне безболезненно для себя говорить вслух все что вздумается. В том числе и рассуждать на Мертвую Тему. Но не забывай, что даже те, кто просто выслушивает твои неподобающие речи, так или иначе потом страдают. И я – не исключение, хотя наравне с тобой служу вечным идеалам Баланса. К сожалению, ко мне закон Мертвой Темы строг не меньше, чем к обычным скитальцам и оседлым.

– Неужели нельзя ответить на мои вопросы в обход правил? Я же не заставляю тебя давать конкретные ответы. Намекни, растолкуй знаками, объясни иносказательно... Ведь существуют десятки вариантов внятно выразить одну и ту же мысль! А для такого велеречивого болтуна, как ты, это и вовсе не должно быть проблемой. В конце концов, имею я право знать, какого черта тащу на себе этот крест!

– Тише! Прекрати немедленно! – зашикал и замахал руками Гвидо. – Столько лет учу тебя уму-разуму, а ты все никак не усвоишь: в Терра Нубладо не носят на спине крестов! Упоминание о чуждых ритуалах относится к Мертвой Теме. Не вздумай опять использовать где-либо подобную фигуру речи! И я не собираюсь пытаться перехитрить Баланс, беседуя с тобой намеками и знаками на Мертвую Тему! В Терра Нубладо даже последние болтуны давно усвоили, о чем можно говорить, а о чем нельзя. Один ты никак не уймешься. А все потому, что наши законы тебе попустительствуют! Будь ты простым скитальцем, сразу бы ощутил на собственной шкуре, что такое – сболтнуть лишнего. Вмиг излечился бы от всех своих глупостей! И вообще, советую брать пример с оседлых. Они никогда не заговорят с тобой на Мертвую Тему, поскольку не допускают Дисбаланса даже в мыслях.

– Это я давно заметил, – согласился я. – С оседлыми и просто поговорить – проблема. Вроде бы с виду неглупые люди, а словарный запас у них на одном листке бумаги уместится. Ладно, умолкаю, не буду заставлять тебя нарушать табу...

– О, нет! Какое «табу»?! Ну я же по-человечески попросил! – взмолился Зануда. На лице его и впрямь проступила нездоровая бледность, а руки затряслись. Как здорово, что я имел к Мертвой Теме иммунитет, в противном случае проповедовать Откровение было бы попросту невозможно. Большинству адептов Дисбаланса удавалось «богохульствовать» и при этом сохранять отменное самочувствие. Однако остановить Проповедника, ослабив его таким способом, было сложно. Хотя иногда и меня начинало мутить от словесной ереси. Видимо, таким способом высшие покровители не давали мне забыть, что их законы едины для всех, в том числе и для избранных.

– Прости. – Я шутливо ударил себя по губам. – Опять глупость ляпнул. Нельзя, значит, нельзя... Ты принес мне патроны?

– Получи. – Гвидо достал из кармана три полные коробки ружейных патронов и протянул мне. Я высыпал боеприпасы на стол и взялся неторопливо снаряжать пояс-патронташ, стараясь засовывать патроны в ячейки не слишком глубоко – во время схватки так будет сподручнее извлекать заряды по паре за раз. Специалист по проксимо-бою вроде меня начал схватку задолго до появления врага. Именно из таких мелочей, как скорость перезарядки или плавность куркового механизма, и складывалась победа в скоростном проксимо-бою.

– Расходуй боеприпасы экономно, – порекомендовал Гвидо, следя за моими манипуляциями. – Я не могу кормить тебя этими «конфетами» от пуза – это противоречит Балансу.

– Где ты достаешь это сокровище? – поинтересовался я, вертя в пальцах латунный цилиндр. – Насколько я в курсе, патроны редчайшего четвертого калибра имеются только в оружейной лавке Чико – оседлого торговца из фуэртэ Кабеса. Однако что любопытно: Чико тебя никогда не видел. А покупателя такого экзотического и дорогого товара он бы наверняка запомнил – память у оседлых торговцев исключительная.

– Так вот чем ты занят на досуге: наводишь обо мне справки! – недовольно запыхтел маэстро. – Поверь, ты понапрасну тратишь время. Лучше бы в бордель вместо этого сходил – куда полезнее провел бы досуг.

– Ты сам вынуждаешь меня заниматься поисками правды. Не желаешь распространяться о себе, зато чересчур много осведомлен обо мне! Откуда тебе известно мое настоящее имя?..

– Умоляю: только не начинай опять!..

– Но, похоже, ты прав – я и впрямь зря теряю время. Ни оседлым, ни скитальцам не известно, откуда ты взялся. Так где ты берешь патроны? Только не ври, что выменял их у встречного скитальца! Ни один бродяга, вооруженный «Экзекутором», не выставит на обмен такие драгоценные боеприпасы.

– У меня свои каналы поставок, – слегка приоткрыл карты скользкий старик. – Познакомиться с этими людьми у тебя не получится – они и мне-то не слишком доверяют.

– Еще один секретный альянс?

– Что-то типа того. Но в рамках закона. Баланс для этих ребят не менее свят, чем для нас.

– Все ясно, – огорченно вздохнул я. – Станный ты человек, Гвидо. Вроде бы делаем с тобой общее дело, а у тебя от меня сплошные тайны.

– Ты тоже не подарок, – парировал Зануда. – В прошлую встречу опять меня напугал – вел себя как полудохлая рыба. Тогда слова из тебя было не вытянуть, зато сегодня ишь какой разговорчивый!

– Мне нездоровилось, – соврал я, – а ты все равно послал меня на проповедь.

– Это не отговорка. – Было заметно, что маэстро не поверил. Я никогда не рассказывал ему о своих провалах в памяти, но интуиция подсказывала мне – Зануда о них прекрасно знает, хоть вида не подает. – Сила духа и вера в Идеальный Баланс обязана укреплять Проповедника на его нелегком пути. К тому же ты идешь по нему не один. У тебя есть наставник – я! Помогать тебе восстанавливать Баланс – мой святой долг. И, как видишь, я безропотно следую ему, а также пытаюсь служить для тебя примером...

– Понеслась душа... по кочкам! – Я умоляюще закатил глаза к потолку. – Угомонись, старик, ты мне всю плешь уже прокапал своими нравоучениями. Вот дождешься, уйду я от тебя на вольные хлеба...

Последние слова являлись дежурной шуткой, к тому же не очень веселой. В действительности уйти в отставку с поста Проповедника мне было нельзя. Попытка такого бегства была однажды мной предпринята и результата не принесла. Где-то после первого полуго-

для безостановочных проповедей я потерял-таки терпение и решил, что пришла пора круто изменить свою судьбу. Никаких запредельных целей я перед собой не ставил: переквалифицироваться в обычного вольного скитальца – вот и все, что я планировал сделать. Свобода от возложенных неизвестно кем обязательств и легкая бродячая жизнь выглядели притягательно, и Арсений Белкин не устоял перед искушением.

Я рассудил, что сполна рассчитался с Балансом за все и ему не составит труда подыскать себе нового Проповедника. Но оказалось, на самом деле мой долг был неоплатным, и Добро навечно закабалило меня на борьбу со Злом. Очевидно, по причине моих неискупленных грехов, впечатляющий список которых явно висел у покровителей на видном месте. А дабы Арсений Белкин убедился в собственной глупости раз и навсегда, Баланс доходчиво разъяснил ему, кто в Терра Нубладо царь и бог...

Тот памятный приступ беспамятства – такой вот грустный каламбур – случился со мной в самый неподходящий момент. Я поднимался по лестнице в номер-люкс, снятый мной в «Туманном Бродяге» – одном из лучших постоянных дворов фуэртэ Кабеса, столицы Терра Нубладо. На руках у меня страстно дышала прекрасная Консуэла, настоящая королева этого заведения, владелец которого – оседлый торговец Бартоломео – отбирал девушек на «службу» путем сурового экзамена. Консуэла успевала подрабатывать здесь еще и певичкой. Пела она не ахти как, однако с лихвой компенсировала сей недостаток виртуозным мастерством в своей основной специальности.

Не каждому скитальцу было по карману позволить себе ночь с Консуэлой, однако со мной певичка согласилась уединиться за чисто символическую плату. «Для поднятия авторитета» – раскрыла Консуэла причину своей щедрости. Правда, я так и не успел спросить, чьего авторитета – ее или моего. Но то, что авторитет у Проповедника поднимается буквально на глазах, мог, наверное, заметить любой, кто в тот момент взглянул бы пониже моей поясной бляхи.

Вечер вышел на диво незабываемым. Я постарался на широкую ногу отметить свой уход в отставку с поста хранителя Баланса. Правда, приходилось делать это в гордом одиночестве, но к одиночеству я за полгода уже привык. Несколько забредших на ночлег постояльцев не стремились напрашиваться в компанию к одиозному Проповеднику, и если не считать их косых взглядов, ничто не мешало мне наслаждаться первыми мгновениями свободной жизни. А подсевшая ко мне за столик Консуэла, на удивление охотно откликнувшись на мой призывный жест, стала и вовсе главным украшением чудесного вечера. Украшением, которым мне предстояло насладиться по-настоящему уже у себя в номере...

Итак, мы поднимались по лестнице. Разгоряченная Консуэла шептала мне в ухо такие слова, от которых любая воспитанная девушка вмиг сгорела бы от стыда. Я нес проказницу в постель и предвкушал, как то, что она мне пообещала, вот-вот воплотится в реальность. Оставалось лишь распахнуть дверь номера и дойти до кровати, где вольный скиталец Арсений (достаточно кличек – пора бы, наконец, вернуть себе законное имя!) начнет в полной мере радоваться прелестям жизни...

Я споткнулся и упал столь внезапно, что перехватило дыхание. Больше всего я испугался за Консуэлу, но девушка вдруг исчезла из моих объятий, словно растворилась в воздухе. Недоумевая, как это меня угораздило споткнуться на ровном месте и куда испарилась Консуэла, я только через несколько секунд определил, что нахожусь вовсе не в «Туманном Бродяге», да к тому же идеально трезв! Вместо грязного дощатого пола я растянулся на каменистом горном плато, и ко мне уже со всех ног бежали пятеро вооруженных людей. По их воинственным крикам и взятому на изготовку оружию было ясно, что разговаривать со мной они не собираются.

Мое мгновенно протрезвевшее сознание едва поспело за столь стремительной переменной обстановки. Благо, к спонтанным провалам в памяти мне было уже не привыкать,

поэтому я пришел в чувство до того, как разъяренная компания открыла по мне огонь. Выхваченный из-под плаща «Экзекутор» с грохотом выплюнул в ближайшего противника двойной заряд жакана, и не успел еще враг рухнуть наземь с развороченной грудью, а я уже держал в кулаке готовую к перезарядке следующую пару патронов.

Мои враги готовились к простому убийству одинокого бродяги, а не к дуэли по правилам проксимо-боя, иначе они наверняка разыграли бы более сложный сценарий атаки. После того как я уложил второго из нападавших, защищаться уже пришлось им. Да и разве это можно было назвать защитой? Парни просто кинулись врассыпную, как тараканы, уповая на то, что собьют меня с толку. Хотя двигались они резво, спору нет. Впрочем, обогнать пулю сложно даже при такой чрезмерной резвости.

Вот в чем, оказывается, дело: обидевшись на мою отставку, Баланс устроил мне неожиданное свидание с очередной компанией одержимых Величием! А то, что судьба кинула меня из объятий красавицы именно к ним, стало понятно уже через полминуты, когда враг, первым отведавший моего свинца, выплюнул кровь и начал снова подниматься на ноги. Окончательно уgomонить его и его приятелей мне предстояло лишь могущественными словами Откровения...

Проповедь выдалась трудной, но я справился. Слабое место одержимых Величием заключалось в том, что они чрезмерно полагались на свое физическое превосходство, при этом забывая, что абсолютного Величия в природе нет и быть не может. Железный закон Баланса, действенный в каждом из известных мне миров, гласил: если где-то что-то прибавилось, в другом месте непременно от чего-то убудет. Одержимые приобретали просто нечеловеческие физические качества, однако, как правило, утрачивали здравомыслие и инстинкт самосохранения. Поэтому адепты Дисбаланса не слишком задумывались об осторожности и лезли напролом, будучи в полной уверенности, что ни один обитатель Терра Нубладо не сумеет причинить им вреда.

Так оно, в принципе, и было, однако со мной случай особый. Здесь Зануда был прав: сила Проповедника не в оружии, а в Откровении, ибо только оно обладало властью над одержимыми и умирало их мятежные натуры. И все-таки без поддержки «Экзекутора» в этот омут нечего было даже соваться...

Разумеется, тот провал в памяти оказался отнюдь не случаен. Всевидящие покровители дали мне усвоить простую истину: Проповедник принадлежит Балансу с потрохами. И ныне, и присно, и вовеки веков. Аминь... Второй раз проверять, так это или нет, я не стал, поскольку ненавидел подобные сюрпризы и боялся, что следующий намек покровителей будет гораздо убедительней.

Тяжко жить на белом свете, не ведая смысла собственной жизни. В загробном мире это тоже не исключение. Только переживается острее: когда становится известно, что вместо ответов смерть преподносит лишь новые загадки, пропадает последняя надежда на обретение истины.

Терра Нубладо населяли обычные смертные, чье отличие от обитателей моего прежнего мира заключалось только в более низком уровне развития цивилизации да ряде странностей, вызванных местными законами природы, к которым, впрочем, довольно быстро привыкаешь. Неудивительно, что поначалу я решил, будто после тяжелого ранения в голову не умер, а угодил сначала в тюремный госпиталь, а оттуда – в некое масштабное телевизионное шоу о Диком Западе с участием уголовников – а как иначе все это можно было объяснить? Хотя думал я так недолго – пока не повстречал маэстро Гвидо, который первым делом познакомил меня с главным здешним законом, несуразным и диким даже для Дикого Запада. В Терра Нубладо закон Мертвой Темы почитался еще выше, чем закон Омерта на Сицилии, и тоже представлял собой своеобразный кодекс молчания.

Мертвая Тема... Запрет на слова, которые убивают. Причем убивают именно слова, а не люди, которых они могут оскорбить. Хотя могут убить и люди, в чьем присутствии будет затронута в разговоре Мертвая Тема – никто не желает страдать от чьих-то необдуманных речей... Поразительное явление. Столкнувшись с ним вплотную, я окончательно уверился, что не участвую в публичном шоу, а очутился черт знает где. Солнце, луна, знакомые растения и животные, вполне нормальные, пусть и малоцивилизованные люди – типичная реальность конца позапрошлого века... Если бы не вечный туман на горизонте, еще ряд незначительных странностей, да Ее Величество Мертвая Тема. Возникало чувство, что произнесенные вслух, чужеродные этому миру слова вызывали ярость у духов местной природы и те карали любого, кто оскорблял их неуважением. Поэтому я волей-неволей научился следить за своей речью при людях и придерживать ее в рамках Мертвой Темы. Но благодаря иммунитету Проповедника все же частенько ностальгировал, бранясь наедине с собой привычными «земными» ругательствами и тем самым подвергая себя психологической разгрузке.

Только это все равно не избавляло от жгучего желания излить кому-нибудь душу. А также выяснить, что скрывал за душой, к примеру, тот же маэстро Гвидо – убежден, ему было о чем мне рассказать. Как, вероятно, и каждому, кто топтал дороги туманного мира и вынужден был держать рот на замке, соблюдая суровый кодекс молчания...

В деревенском трактире «Посох пилигрима» было многолюдно – похоже, сюда сбежали от дождя скитальцы со всей округи. Попасть под дождь в Терра Нубладо не являлось слишком крупной неприятностью – благодаря уже упомянутым мной странностям местной воды, промокшая одежда высыхала за считанные минуты прямо на теле, – и все равно, странствовать при непогоде желающих находилось мало.

В этом мире дождь был, пожалуй, главной причиной, объединяющей скитальцев для общения. Хорошая погода способствовала путешествиям, плохая – собирала вольных бродяг под крышами трактиров и постоялых дворов, где тут же стихийно возникали этикие скитальческие мини-конгрессы: бурлила меновая торговля, обсуждались последние новости, праздновались встречи и пропущенные в дороге праздники, рождались новые альянсы единомышленников, заключались пари и разворачивались целые чемпионаты по азартным играм. И если фермеры благодарили силы Баланса только за благоприятную погоду, владельцы трактиров радовались и ливням, и морозам, и буранам, и многодневным туманам, что вынуждали постояльцев подолгу задерживаться на одном месте и кутить, соря деньгами направо и налево.

Сегодняшняя непогода не обещала стать затяжной, однако владельцу «Посоха пилигрима» грех было на нее жаловаться. Шумная и пестрая орава скитальцев гуляла с размахом и ни в чем себе не отказывала. В трактире не оставалось свободных столов, но за некоторыми еще имелись незанятые места. Вновь прибывшему следовало лишь вежливо попросить разрешения у какой-нибудь компании присесть за их стол да угостить сотрапезников выпивкой.

Впрочем, Проповеднику позволялось не соблюдать такой ритуал. Никто не кинется в драку, если я усядусь рядом с ним на скамью – давно миновали те времена, когда меня еще не узнавали в лицо. Сегодня я мог трапезничать с любой компанией без риска спровоцировать ссору. Кое-кто, конечно, все равно будет недоволен, но дальше демонстративного ухода из-за стола это недовольство не пойдет. И все же я предпочитал выбирать себе соседей, какие хотя бы внешне походили на благородных – в моей посмертной ипостаси общество приличных людей нравилось мне куда больше. Эта «чистоплотность» вызывала протест у негодяя Белкина, ранее не чуравшегося якшаться с любым отребьем, но строгий Проповедник давно дал понять этому мерзавцу, что его время безвозвратно ушло. Надо заметить, что мерзавец

возмущался теперь только для вида – он побаивался Проповедника, как побаивается твякающая шавка свирепого волкодава.

Часть посетителей «Посоха пилигрима» столпилась в углу зала, где за игровым столом разыгрывалась партия в калибрик – так называлась азартная игра, в которой вместо фишек использовались пустые гильзы из-под патронов. В игре могли участвовать до десяти человек за раз. Передавая право хода по кругу, игроки переставляли фишки на игровом поле, разыгрывая незамысловатые тактические комбинации. Играющие начинали партию с маленьких гильзочек от дамских «дыроколов» и по мере прохождения игры заменяли их на все более крупнокалиберные. Выигрывал тот, кто быстрее всех заполучал на руки расклад из пяти массивных гильз от станковой картечницы «саранча».

Калибрик был столь же простым и динамичным, как шашки, к тому же давал возможность играть командами. Поэтому частенько за игровым столом разворачивались нешуточные страсти. На игроков делались ставки, будто на беговых крыс – еще одна местная забава, имевшая массу поклонников. В «Посохе пилигрима» игра тоже проходила бурно, и всяк заглядывающий в трактир не удерживался от соблазна подойти к играющим и поинтересоваться, как движется игровой процесс. После чего многие оставались у игрового стола делать ставки в тотализаторе или дожидаться своей очереди подвигать гильзами.

Проповедник явился исключением из общего правила. В прошлом моя тяга к азартным играм была достаточно сильна, но сегодня она испарилась бесследно вместе с пристрастием к алкоголю. Вероятно, будь распространены в Терра Нубладо карточные игры, я бы не отказывал себе в удовольствии иногда перекинуться в картишки. Но здесь эта забава была не в ходу, а греметь гильзами по столу у меня желания не возникало. Следовало понимать, что карты также принадлежали к Мертвой Теме, хотя каким образом они способствовали Дисбалансу, непонятно. Версию, что в туманном мире они просто не зародились, я даже не рассматривал – говорят, карточные игры существовали уже во времена дремучего рабовладельческого строя.

Я покосился на галдящих в углу игроков и их болельщиков и, не задерживаясь, направился к огню. Страсть как хотелось отогреть продрогшее под дождем тело, а у ближайшего к камину стола как раз обнаружилось свободное местечко.

Появление Проповедника не осталось незамеченным в «Посохе пилигрима». По всей видимости, оно и стало самым ярким событием за последний час. Все, кто находился в зале, оторвались от своих занятий и долго с опаской наблюдали за мной, словно я вошел не один, а притащил за собой на поводке медведя. Даже игроки прекратили двигать фишки и почти минуту следили за моими действиями. Протиравший кружки трактирщик, судя по его вмиг скисшей физиономии, забеспокоился, как бы появление зловещего гостя не вспугнуло чересчур мнительных клиентов. Музыкант, терзающий на крохотной сцене струны потертого пелискара – похожего на кривую гитару музыкального инструмента, – сбился с такта и долго не мог возобновить прерванную мелодию. Даже те, кто хлебнул лишка и уже дремал, уронив головы на столы, зашевелились, потревоженные непривычной тишиной. Я полагал, что в мой адрес непременно последует чей-нибудь псевдоостроумный комментарий, как это случалось в городских трактирах, но желающих самоутвердиться не выискалось – мой промокший и озлобленный вид не располагал к шуткам.

Пауза продлилась недолго. Вскоре прежняя шумная атмосфера вновь наполнила «Посох пилигрима». Игроки вернулись к игре, пелискар забренчал что-то жизнерадостное, спавшие опять уткнулись лбами в засаленные столы, и только трактирщик продолжал наблюдать за мной, ожидая, когда я потребую ужин. Но я не спешил: первым делом – отогреться, а потом все остальное.

Я уселся на скамью, развернувшись лицом к камину. Вместе с теплом накатила усталость и дремота. Хотелось наплевать на все и уподобиться моему соседу по скамье. Скита-

лец, у которого явно не хватало денег на съем комнаты, спал прямо за столом, подложив под щеку худую дорожную сумку. Моего появления он не заметил. В отличие от изнурившего скитальца, я мог позволить себе выкупить на ночь номер, но сейчас мне было не до отдыха. Я намеревался продолжить путь, как только прекратится дождь. Отогреться, поужинать да послушать разговоры скитальцев – вот и вся программа на сегодняшний вечер.

Возле огня одежда на мне просохла еще до того, как я успел скинуть плащ. Удивительное свойство местной воды создавало массу удобств и избавляло прачек Терра Нубладо от утомительного процесса отжима и сушки. Нигде в туманном мире вы не встретите развешанного на веревках выстиранного белья. Но что особо радовало – подмоченный порошок высыхал столь же быстро. Поначалу меня удивляло, почему при такой повышенной испаряемости не пересыхают здешние реки. Потом, когда в багаже моих знаний скопилось много подобных нелогичностей, я перестал удивляться всему подряд. Заострять внимание на каждой загадке природы, а тем более пытаться их разгадать, значило понапрасну тратить время. Если на них и имелись ответы, они надежно скрывались под покровом Мертвой Темы.

– Изволите подать ужин, респетадо Проповедник? – Трактирщик решил не дожидаться, пока я вспомню о нем, и явился сам. Такая предупредительность была нехарактерна для захолустного заведения и говорила скорее не об отлаженном сервисе, а о прижимистости владельца, экономившего на официантах.

– Да, разумеется, – не отрывая взор от огня, кивнул я. – Что-нибудь горячее на твой выбор, респетадо...

– Марио. Просто Марио.

– ...Марио. И стакан воды.

– Воды?

– Именно так, – подтвердил я. По меркам Терра Нубладо, моя просьба выглядела экзотичной. У скитальцев было не принято пить в трактирах воду. Но я был далек от большинства скитальческих традиций, в том числе и от этой. К тому же в настоящий момент я находился на службе, поэтому не прикасался даже к легким спиртным напиткам.

– Сию минуту, респетадо Проповедник! – раскланялся Марио и убежал на кухню.

Возможно мне показалось, но после моего появления веселье в трактире сбавило обороты. Игра в калибрик протекала уже не столь азартно, хотя ставки продолжали приниматься. На меня продолжали коситься – скитальцев, многие из которых видели Проповедника впервые, интересовало, каков я в повседневной жизни, что ем и пью и как планирую проводить вечер. Пока же я просто сидел, уставившись в камин и ожидая, когда Марио подаст ужин. Изредка я бросал взгляд на оконное стекло, по которому стекали дождевые капли, и пытался определить, не кончается ли дождь.

– Так не бывает! – вдруг воскликнул на весь зал один из игроков. – Четвертый раз подряд, Кастор! Ты выигрываешь четвертый раз подряд с одним и тем же перевесом!

– И что ты хочешь этим сказать, Берси? – возмутился игрок, к которому обращались. – Да, и впрямь удивительное совпадение, но похоже, мне сегодня крупно везет!

– Провались я пропадом, если это так! – вскипел недовольный Берси. – Два раза подряд – еще куда ни шло! Но четыре – это чересчур!

В поисках поддержки Берси обернулся на остальных игроков и болельщиков. Те явно только и ждали, пока кто-нибудь из них первым заявит протест. За столом поднялся гвалт, который сразу усилился, когда за обвиненного в нечестной игре Кастора вступились его болельщики. От шума пробудился даже мой сладко спящий сосед. Зевая, он фамильярно положил ладонь мне на плечо, видимо, желая поинтересоваться, что за скандал, но едва взглядел спросонок, кого побеспокоил, вздрогнул и отдернул руку, будто угодил ею в горящий камин. «Прошу прощения», – промямлил сосед, отодвигаясь от меня и тесня скитальца, сидевшего от него слева.

Скандал между тем усугублялся. Берси со товарищи распалился не на шутку, Кастор и его приятели от них не отставали. Пальцы большинства спорщиков были уже заложены за ремни, поближе к рукояткам пистолетов, ножей и сабель.

Я не сомневался, что с минуты на минуту кто-нибудь обязательно предъявит Кастору обвинение в одержимости Величием. В обычных спорах такими обвинениями не бросаются, но перебранка игроков, слово за слово, постепенно пересекла ту грань, за которой примирение уже невозможно. Слишком много гадостей было сказано во всеуслышание, чтобы оставлять их без ответа, так почему не ударить по оппоненту самым тяжким упреком?

Этот упрек выкрикнул Берси, уже не отдающий отчет своим словам. Обвинение прозвучало подобно команде, по которой спорщики в мгновение ока повыхватывали оружие. Загрохотал перевернутый игровой стол, зазвенели рассыпавшиеся по полу латунные фишки-гильзы. Впрочем, начинать кровопролитие никто не спешил. Спорщики продолжали осыпать друг друга ругательствами, но оружие в ход не пускали. При этом каждый из спорщиков то и дело посматривал на меня – как отреагирует Проповедник на известие, что в трактире вдруг отыскался одержимый.

Я же никак не реагировал, поскольку слышал крики «пожар», но огня не видел и дыма не чуял. С подобными уловками мне не раз приходилось сталкиваться, когда, бывало, та или иная компания, затевающая с кем-либо конфликт, стремилась привлечь Проповедника на свою сторону. Реагируй я на каждое голословное обвинение, от меня сегодня шарахались бы не только одержимые, но и добропорядочные скитальцы.

«Мексиканское противостояние» – кажется, так называли аналогичную ситуацию в моем родном мире. Этаким командный турнир по «русской рулетке». Для стартового сигнала достаточно, чтобы сорвались нервы хотя бы у одного участника этого турнира. Один дрогнувший на спусковом крючке палец, и через пару секунд пол будет завален трупами...

Я развернулся вполоборота к скандалистам, дабы отчетливо видеть каждого члена этой наэлектризованной компании, а особенно тех, под чьи выстрелы я мог ненароком угодить. Глупо будет пасть нечаянной жертвой чужих обид. Уповать на заступничество сил Баланса тоже глупо: являйся я для покровителей незаменимым человеком, давно получил бы в подарок неуязвимость от пуль. Но их за прошедшие пять лет целители уже извлекли из моего тела не меньше двух десятков...

На свободном материке Терра Нубладо нет ни полицейских, ни судей, поэтому не приходилось ожидать вмешательства в трактирную разборку кого-то со стороны. Все протекало по закону Баланса: возобладает разум – все останутся живы; прольется кровь – выжившие приобретут авторитет как хорошие стрелки и фехтовальщики. Естественно, за счет тех, кого они пристрелят или прирежут. Авторитет – вот что действительно обладало ценностью в туманном мире. Здесь авторитет не покупался за деньги и не возникал сиюминутно, его приходилось сначала долго зарабатывать, а затем отстаивать. Скиталец, заслуживший непрерываемый авторитет, мог собрать вокруг себя единомышленников и сам становился диктатором порядков: брал под контроль часть какой-либо провинции, изгоняя прежних хозяев, укреплялся в ней, облагал данью отвоєванные поселения, призывал на службу наемников-скитальцев и рекрутов из оседлых жителей, формировал маленькие армии, дабы защищать свой статус и по мере роста сил завоевывать земли соседей – таких же самопровозглашенных диктаторов. Благодаря непрекращающемуся политическому переделу, а точнее беспределу, количество провинций Терра Нубладо и их границы не могла отразить объективно ни одна карта.

– Респетадо Проповедник!.. – взмолился убежавший из-за стойки Марио. – Вмешайтесь, образуйте их! Не дайте свершиться трагедии!

– Не вижу, в чем трагедия, – отмахнулся я. – Перебрали ребята чуток, сейчас остынут и успокоятся. Где твой вышибала?

– Нет у меня вышибалы! – чуть не плача ответил трактирщик. – Зачем он мне в этой глуши? Мне и повару-то порой платить нечем! Прошу вас, респетадо Проповедник! Они же уничтожат репутацию моего заведения! А я так долго скитался, чтобы открыть трактир! Чем мне тогда кормить детей?

– Так ты скиталец? – подивился я. Редчайший случай, когда вольный бродяга променивал ветер странствий на оседлую жизнь, не достигнув в Терра Нубладо более-менее высокого статуса. Но, как говорится, каждому – свое. – Решил стать первым в истории маэстро-трактирщиком?.. Ладно, попробую потолковать с твоими клиентами, авось и образумлю их.

И с раздражением подумал, что, когда мой друг-дипломат бывает и впрямь позарез мне нужен, его почему-то днем с огнем не сыщешь.

– Большое спасибо, респетадо! – благодарно закивал Марио. – Век не забуду вашей доброты! Только умоляю: поторопитесь, а то они уже вот-вот...

Действовать требовалось решительно, но аккуратно. Самая крупная ошибка, какую я мог допустить, – это попытаться привлечь к себе внимание резким криком или тоже начать размахивать оружием. Переполненная взрывчатыми парами агрессии, атмосфера в заведении после такого вмешательства вспланилась бы однозначно. Поэтому я приближался к зоне конфликта нарочито неторопливо, дабы все спорщики имели возможность меня заметить. Но, несмотря на мирные намерения, штуцер я все-таки с собой прихватил.

– Прошу слова, респетадос! – громко и размеренно произнес я, стараясь быть услышанным сквозь потоки угроз и обвинений. Гомон плавно утих, а те из спорщиков, кто стоял ко мне спиной, оперативно сменили позиции так, чтобы держать меня в поле зрения. Кое-кто даже счел Проповедника более опасным противником и перенацелил оружие на него.

– Чего тебе, Проповедник?! – рявкнул Кастор, наверняка успевший проклясть свое игровое везение, уже неважно, случайное или нет.

– Могу помочь вам уладить проблему, – предложил я, не спеша переложив «Экзекутора» на сгиб локтя стволами в сторону. Такая поза только на первый взгляд выглядела неагрессивной. На самом деле в проксимо-бою она служила стартовой позицией для дюжины тактических приемов. – На своем веку я повидал одержимых больше, чем все вы, вместе взятые. Для меня распознать одержимого – вопрос двадцати секунд. Этого человека... – свободной рукой я указал на Кастора, – обвинили по-крупному, но, если ему нечего скрывать, я быстро оправдаю его перед вами.

– Э-э-э, все знают, чем заканчиваются твои проповеди! – заартачился Кастор, удерживающий на мушке револьвера своего главного оппонента Берси. – Ты сравниваешь людей с грязью! Превращаешь их в ничто! В ноль! Я не хочу по твоей милости стать таким! У меня и без того в последнее время сплошные проблемы, а стоило раз повезти, как на тебе – опять всем поперек горла встал!

– Поправка! – уточнил я. – То, чего ты боишься, называется Воздаянием. Если ты чист перед Балансом, оно тебе не грозит. Баланс не причиняет вреда тому, кто чтит его законы.

– Все так говорят, – нервно хохотнул Кастор, – а потом вдруг выяснится, что случилось какое-нибудь недоразумение и тебе воздалось по ошибке! Только потерянное уважение уже не вернуть! Клянусь, я сроду не поклонялся Дисбалансу и не собираюсь иметь с ним дело! Лучше получить пулю и умереть с честью, чем после твоей проповеди ползать в грязи и жрать гнилые бобы! Проваливай, Проповедник, как-нибудь без тебя разберемся!

– Постой, амиго! – не согласился с Кастором один из его защитников – пожилой скиталец с морщинистым лицом. Было заметно, что он и прочие их товарищи, хоть и готовы защищать до конца общие интересы, погибать все же не хотят. Да и перевес сил был отнюдь не в их пользу. – Респетадо Проповедник прав. Вспомни Хуареса, который заглядывал сюда вчера, унижался и готов был подрядиться на любую работу. Я знаю эту мразь. Когда-то Хуарес страдал одержимостью и причинил немало гадостей честным скитальцам. Если бы в

свое время он отвертелся от проповеди, вчера он не стал бы с нами даже разговаривать. Просто перебил бы всех, обобрал до нитки и пошел дальше. Да, я тоже видел от Баланса мало хорошего, но Проповедник свое дело знает – это точно.

– Ты что, не веришь мне на слово, Квинт? – злобно процедил Кастор.

– Верю, – ответил его приятель, – потому что хорошо тебя знаю. Но если ты еще не заметил, таких, как я, здесь очень мало. Мой тебе совет: послушайся Проповедника.

– Давай, не тяни! – поддакнул ему Берси, выставивший перед собой длинную широколезвийную саблю. – Чем дольше ерепенишься, тем хуже для тебя!

– Заткнись! – вскричал загнанный в угол Кастор. – Все заткнитесь! Мерзавцы! Я доверял вам, а вы, значит, решили так со мной обойтись, да?! Тоже мне – амигос! А ты, Проповедник, вместо того, чтобы унижать честных скитальцев, шел бы лучше ловил эту болтливую дуру Кассандру! Или кишка тонка повязать девчонку? А меня даже пальцем не вздумай тронуть! Я не для того истоптал всю Терра Нубладо, чтобы ты меня сегодня публично унижал! Не для того, слышишь?! За Баланс он борется! Нет здесь Баланса! Давно нет! И не будет уже никогда! Сдох этот проклятый мир! Сгнил на корню! Хотите, догнивайте вместе с ним! А я не хочу! Права Кассандра: будут миры гораздо лучше и справедливее этого! Я уйду отсюда! И надеюсь, с вами в новом мире уже не встречу! Прощайте... амигос!

После этих слов он упер дуло револьвера в лоб и выстрелил...

Никто из нас опомниться не успел, а Кастор уже валялся на полу с развороченным затылком. Лужа черной крови растекалась по полу, медленно подбираясь к упавшему рядом с простреленной головой дымящемуся револьверу.

Это было первое самоубийство, с которым мне довелось столкнуться в Терра Нубладо. Я уже повидал здесь много насильственных смертей: и в локальных диктаторских войнах, и в разборках между скитальцами; в том числе сам совершил по долгу службы немало убийств. Однако чтобы человек добровольно вынес себе мозги на глазах у всех – такое мне еще видеть не приходилось. Столь легкий способ ухода из жизни был не принят в туманном мире, по крайней мере истории о висельниках, утопленниках, прыгунах с утесов и прочих самоубийцах мне тут не рассказывали.

– Вот идиот! Уж чего-чего, а такого я от Кастора не ожидал! – покачал головой Квинт, плавно спуская взведенный боек и пряча револьвер в кобуру. Плюясь и вполголоса бранясь, остальные скитальцы последовали примеру Квинта – виновник переполоха мертв, причина раздора устранилась сама собой. Оружие было убрано, и все-таки бывшие спорщики не расходились, продолжая смотреть друг на друга с нескрываемой враждебностью.

– Кому достанется его выигрыш, вещи и оружие? – спросил Берси, кивнув на мертвого Кастора. Похоже, это и мешало перевозбужденным скитальцам окончательно угомониться. Будучи в большинстве, Берси и его товарищи тем не менее не взяли на себя раздел имущества застрелившегося собрата. Предложение о дележе было адресовано Квинту – самому пожилому и явно самому авторитетному среди присутствующих.

– Не торопись, – осадил Квинт нервно потиравшего ладони Берси, после чего обратился ко мне: – Респетадо Проповедник, вы еще можете определить причину феноменального везения нашего погибшего друга? Думаю, мы обязаны непременно это выяснить.

– Безусловно, могу, – подтвердил я. Уважительная манера общения седовласого и потертого жизнью Квинта мне импонировала. Он прекрасно ориентировался в ситуации и знал, с кем следует вести себя в рамках приличия, а на кого можно при необходимости и повысить голос. Грамотный подход к людям был наверняка не единственным достоинством этого скитальца. Я полагал, что искусством стрельбы Квинт также владел отменно, и для меня не стало бы откровением, если бы именно он выжил, разразись в «Посохе пилигрима» бойня. Вряд ли Квинт являлся маэстро, поскольку иначе для погашения конфликта хватило бы одного его слова, но крепким авторитетом пожилой скиталец бесспорно обладал.

С такими людьми, как он, я не рискнул бы разговаривать грубо, даже обвиняя они меня в чем-либо. Так почему же не оказать Квинту услугу, раз просит?

Положив «Экзекутора» на пол, я опустился на колени и склонился над трупом. Не хотелось поворачиваться спиной к Берси и его приятелям, но я рассчитывал, что Квинт не допустит с их стороны подлянки в мой адрес...

С живыми людьми все обстоит намного проще – даже оглохнув от выстрелов и пребывая в глубоком шоке, они способны воспринимать Откровение и идти на взаимное общение. Но выяснить всю правду о Касторе, пока его труп не остыл, тоже можно было попытаться. Мне не требовалось воскрешать самоубийцу, да я и не умел делать этого – Проповедник все-таки не чудотворец. И пусть труп оставался глух к Откровению, следы одержимости у него в голове сохранялись отчетливо. Мои исследования, правда, осложнялись тем, что некоторая часть мозга Кастора была разбросана по ближайшей стене, но оставшейся части могло вполне хватить. Главное, чтобы пуля не повредила таламус – тот участок головного мозга, в котором у одержимых Величием происходили всевозможные аномалии. По их наличию либо отсутствию я и собирался ответить на заданный мне вопрос.

Разбитая черепная коробка ускорила мне доступ к головному мозгу Кастора (прежде в аналогичных случаях мне приходилось делать обязательное вскрытие). Все, что от меня потребовалось, так это вонзить пальцы между полушарий мозга, нащупать таламус и произвести диагностику. Каким образом я ее делаю? Чего не знаю, того не знаю. Добавлю только, что в Терра Нубладо мне не пришлось учиться мастерству патологоанатома-мозговеда – волею Баланса, я воскрес, уже обладая таким даром.

Не посвященный в мои действия человек назвал бы их кощунством, однако в трактире к ним отнеслись с пониманием, лишь некоторые брезгливо скривились и отвернулись. Вообще, отношение к покойникам в Терра Нубладо было на редкость простым – никаких обязательных погребальных обрядов, траурных церемоний и показного горя. Да что там траур – в Терра Нубладо и кладбищ-то как таковых не имелось. Мертвецов закапывали где придется, и после первого же дождя их могилы, над которыми не водружали ни холмиков, ни обелисков, исчезали, зарастая травой. Так хоронили и близких родственников, и врагов, и случайных попутчиков. Весьма любопытное отношение к смерти, впрочем, не лишенное своей логики. Полная свобода – главный жизненный принцип Терра Нубладо, – присутствовала здесь во всем, в том числе и в отказе от обязательств перед мертвыми. О них просто помнили, и этой памяти было вполне достаточно. Как живым, так и покойникам. А если об усопшем забывали, значит, настолько ценили его при жизни. Справедливые и естественные отношения, в которых только на первый взгляд отсутствовало уважение к мертвым. Когда же со временем ты привыкал к такой необременительной традиции, все остальные начинали в сравнении с ней выглядеть надуманными и лицемерными.

Самоубийца Кастор не станет исключением – или трактирщик Марио, или Квинт отнесут поутру его тело в ближайший лесок и предадут земле, после чего отправятся по своим делам и уже никогда не вернуться на могилу Кастора. Лишь будут изредка вспоминать о нем при случае: да, проживал когда-то в Терра Нубладо такой скиталец; чертовски повезло однажды этому сукиному сыну в калибрик, и, не будь он так недоверчив к Проповеднику, жить бы бедняге да жить...

Но стоп: следует ли в случае с Кастором говорить об обычном везении?

Я прикрыл глаза и отрешился от трактирного шума; выгодный момент для того, кто надумает поквитаться с Проповедником и разнести ему голову выстрелом в упор. Мои пальцы миллиметр за миллиметром двигались сквозь липкое мозговое вещество, прокладывая себе путь между развороченных пульей полушарий и приближаясь к таламусу. Я отчетливо почувствую, когда обнаружу его. Не физически, нет, а на совершенно другом, подсознательном уровне. Это будет неприятно – словно подсматриваешь в замочную скважину за

чужой личной жизнью, – но так необходимо. Я не впервые проводил исследование таламуса у трупов и до сих пор не сумел привыкнуть к тому, что при этом происходило. Ты словно не копался в сгустках жировых тканей, а принимал дозу сильного галлюциногена. Галлюцинации, или сны наяву – самое верное объяснение моим ощущениям.

Как всегда, «приход» случился резко и неожиданно. Лавиной накатила чужая жизнь со всеми ее интимными подробностями. Но их львиная доля меня не интересовала. Обладая кое-каким опытом, я уже знал, где именно искать нужную информацию и как быстрее извлечь ее на поверхность.

Покойный Кастор не солгал – последние пару лет ему и впрямь не везло. Выбрал не ту сторону в недавней войне диктаторов южных провинций, был ранен и чудом унес ноги после разгрома войска своего нанимателя. Лишился практически всего: личных вещей, оружия, но самое обидное – изрядной доли авторитета. Если бы не заначка, предусмотрительно оставленная Кастором на постоялом дворе в фуэртэ Марипоза – револьвер, немного денег и кое-какие предметы первой необходимости, – ему пришлось бы совсем туго.

Идем дальше... Участие в сомнительных альянсах и несколько провальных авантур по быстрому обогащению еще больше пошатнули авторитет Кастора. Устроиться в мерсенарии к диктатору после членства в бандитской шайке крайне проблематично, поэтому Кастор и не пытался возобновить прежнюю жизнь. Просто скитался от поселения к поселению, попутно осваивая секреты калибрика, которым раньше не увлекался. Трактирная игра тоже могла поспособствовать поднятию авторитета, недаром маэстро калибрика вообще не носят оружие – им рады в любом скитальческом альянсе и оберегают как зеницу ока. Еще бы, ведь им по силам всего за несколько минут обеспечить деньгами и себя, и опекающих их товарищей. Кастор мечтал дорасти до маэстро игры. От мечтателя требовалось только одно – почаще выигрывать, а в идеале – не проигрывать вовсе. На свою беду, скиталец позабыл один из принципов этого мира, который гласил: чрезмерное стремление к идеалу зачастую ведет не к цели, а толкает в пропасть Дисбаланса.

Да, Кастор являлся одержимым, как ни прискорбно было это признавать.

Сказать по правде, это была даже не одержимость – так, легкая безобидная мания. Но четкий отпечаток Дисбаланса я обнаружил в голове Кастора практически сразу. Словно след ящерицы на гладко выметенном ветром песке, словно мутная струя грязи в прозрачном ручье, словно облачко, возникшее на бездонно-голубом небе... Только не ложка дегтя в бочке меда – помеха не уничтожала общей гармонии моих видений, она лишь вносила в них незначительные отклонения.

Одержимость Величием – нечто вроде профессионального заболевания скитальцев, причем поражало оно далеко не каждого из них. Вспышки одержимости случались как единичного, так и массового характера, хотя к инфекционным это заболевание не относилось, скорее – к психическим отклонениям. Одержимость была словно паника – прежде всего она поражала слабых духом. Кастор являл собой типичный пример жертвы одержимости – обиженный на жизнь, впавший в отчаяние молодой человек, ступивший на тропу поражений и потерь. Таких заматерелых скитальцев, как Квинт, одержимость обычно обходила стороной, но и здесь попадались свои исключения.

А вот у кого я ни разу не наблюдал одержимость Величием, так это у диктаторов, их приближенных, а также оседлых обитателей Терра Нубладо. С первыми двумя категориями выходила парадоксальная ситуация. Казалось бы, подобравшись к вершине олимпа, эти люди просто обязаны были впасть в одержимость, которая легко превратила бы их в натуральных богов. Ан нет! Похоже, образ жизни диктаторов и их сподвижников награждал их иммунитетом к болезни «черни» – другого объяснения я не видел. Теория моя была подкреплена доказательствами. Если свергнутые диктаторы обычно не выживали, то их ближайшие соратники, оставаясь в живых, превращались в обычных скитальцев и утрачивали

прежнюю невосприимчивость к одержимости. Загадка иммунитета оседлых тоже наверняка имела аналогичное объяснение. Но у этой, самой многочисленной, однако и самой странной группы населения хватало других загадок, и иммунитет к одержимости являлся не главной из них.

Одержимость вторгалась в сознание жертвы внезапно – будто ломался психологический барьер или сгорал в голове некий предохранитель. Относительно ровная цепочка колебаний своеобразной «энцефалограммы» – так схематически отражалась у меня перед глазами жизнь Кастора и других, ранее обследованных мной одержимых – нарушалась резким скачком, после которого ритм колебаний заметно менялся, хотя и оставался стабильным. После этого скачка жизнь одержимого начинала протекать по иным нормам, несовместимым с существующими в Терра Нубладо. И пусть даже сам одержимый зачастую не собирался причинять вред обществу, он все равно становился социально опасен. Словно водитель-лихач из моего родного мира. Беспечный ездовик не стремится кого-то задавить, он лишь пытается самоутвердиться. Однако плату за его самоутверждение несут те, кто случайно оказывается под колесами его автомобиля.

Единственной жертвой одержимости Кастора пал он сам. Его партнеры по игре, оставшиеся с пустыми карманами и уязвленным самолюбием, страдали разве что морально и уж тем более не умирали. Кастор являлся всего лишь мелким обманщиком, а не злодеем. Истинные мастера калибрыка долго учатся искусству просчитывать партию на много ходов вперед, исходя из стиля игры противника. Тому, кто взял игровые фишки лишь три недели назад, при всем старании было невозможно овладеть подобным мастерством без озарения свыше. Впрочем, как и мастерством профессионального шулера. В Терра Нубладо не верили в озарение, поскольку здесь оно являлось первейшим признаком одержимости Величием. И мне вновь пришлось подтвердить эту истину...

Я открыл глаза и совершил глубокий вдох. Мир вокруг шатался, словно силы Дисбаланса вдруг решили перевернуть его вверх тормашками. Перед глазами плясали цветные кляксы, и было боязно подниматься с колен – не хватало еще, чтобы я потерял равновесие и грохнулся на пол, как пьяный в стельку. Но я все же рискнул и, опираясь о стену, встал на ноги. Посетителям трактира срочно требовался вердикт, и их нетерпеливые взгляды сошлись сейчас на мне, как на зачитывающем приговор председателе жюри присяжных.

Нелегко быть судьей, а тем более судьей в деле, где невозможно отыскать компромиссный вариант. В любом случае наживешь себе если не врагов, то недоброжелателей. На мое счастье, я не давал клятв судить непредвзято, поэтому был волен поступать так, как подсказывала совесть. Интересы Баланса в этом судебном процессе уже не затрагивались – после смерти одержимого мои высшие покровители автоматически реабилитировали его.

– Ваш друг играл честно, – ответил я Квинту. – Похоже, сегодня ему и впрямь крупно повезло в игре.

– ...Но не повезло с противниками, – добавил Квинт, которого мой ответ удовлетворил. К чему я, собственно говоря, и стремился.

– Прошу прощения?.. – возмутился было Берси, но Квинт перебил его:

– Ты и другие проигравшие заберете себе вещи и патроны – в качестве моральной компенсации этого хватит. Револьвер я оставляю себе и погребением тоже займусь сам.

– А выигрыш?! – выкрикнул кто-то, видимо самый нетерпеливый. – Как поделим выигрыш? Сумма немаленькая!

– Да, сумма приличная, – признал Квинт. – Но половина ее в любом случае причитается хозяину заведения. Насколько я в курсе, Кастор еще не расплатился по счетам.

– Двести десять монет за харч и выпивку! – подал голос из-за стойки все еще бледный от испуга Марио. – Плюс двадцать за аренду игрового места! А за сломанный стол кто заплатит?

– Вот видите, респетадос, – подытожил Квинт. – Кастор был честным скитальцем и, не сдай у него нервы, он наверняка расплатился бы с долгами. Будет справедливо завершить его незаконченные дела, благо их не так уж и много. Но мы не должны забывать и о том, что респетадо Проповедник тоже нуждается в вознаграждении.

– Это лишнее, – поспешил откреститься я. – Я ни в чем не нуждаюсь. Баланс дарует мне все, что необходимо.

– В таком случае позвольте хотя бы оплатить вам ужин, – предложил Квинт. – Так сказать, в знак уважения к справедливым законам Баланса.

Пришлось согласиться. Сотня сэкономленных монет пригодится в любом случае, да и полностью отказываться от вознаграждения в Терра Нубладо не принято.

Остаток выигрыша Квинт поделил между теми, кто в отшумевшей ссоре вступился за покойного Кастора. Себе справедливый распорядитель не взял ни монеты, вполне удовлетворившись осиротевшим револьвером без патронов. Результаты раздела устроили всех. Даже вспыльчивый Берси признал их честными, хотя в глубине души он явно не доверял моей экспертной оценке – это выдавал его не слишком любезный взгляд. В общем, как я и предсказывал – без недоброжелателей не обошлось. Слепо полагаться на авось я не стал. Чтобы Берси вдруг не решил запоздало оспорить результаты экспертизы, пришлось все время держать «Экзекутор» на виду. Такая профилактическая мера обычно отрезвляла любого недоброжелателя.

Пока я отмывал испачканные в крови руки, Квинт с приятелями вынесли тело Кастора на улицу, а трактирщик без лишних напоминаний организовал мне персональный столик и сервировал его по высшему разряду, как то: хорошенько протер от грязи столешницу, подал белый, без отрубей, хлеб и как следует прожаренное мясо с гарниром не из фасоли, а из отборного картофеля. И вдобавок ко всему поставил на стол полный графин прозрачного напитка, на первый взгляд принятого мной за крепкий амарго – разновидность местного самогона. Но после дегустации выяснилось, что это обычная вода, разве что кристально чистая, очевидно привезенная с гор для приготовления все того же амарго. Хитрый Марио здраво рассудил, что расплачивающийся деньгами покойного товарища Квинт вряд ли будет скупиться перед Проповедником. Поэтому трактирщик и взял на себя ответственность выставить перед почетным гостем свои самые изысканные угощения. Марио огорчало только то, что я был трезвенником, иначе вместо графина с водой на столе очутился бы безмерно дорогой тропесар – вино для аристократов, секрет изготовления которого я не выяснил до сих пор.

Не хотел устраивать пир, да чужое несчастье помогло. Впрочем, хорошо подкрепиться не помешает – следует восстановить силы после довольно изнурительной проверки покойника «на благонадежность». Меня ничуть не беспокоил тот факт, что пришлось погрешить перед истиной. Не так уж сильно преступил закон Кастор, чтобы начисто уничтожать его посмертную репутацию. Однако согласись он на диагностику добровольно, я бы ничем ему уже не помог и горькая правда всплыла бы на поверхность. Пришлось бы прямо здесь устраивать публичную проповедь. Поэтому Кастор и предпочел проглотить пулю. Как ни крути, а поступок достойный.

– Не возражаете, если я присяду, респетадо Проповедник? – вывел меня из застольных раздумий подошедший Квинт.

– Присаживайтесь, если не боитесь потом прослыть моим приятелем, – согласился я, заканчивая трапезу. – Только предупреждаю, что собеседник из меня не слишком словоохотливый.

– Благодарю вас. – Квинт уселся напротив, положив руки на стол. Мне пришлось сделать то же самое – принятый у скитальцев жест вежливости, означающий, что я не выстрелю

в собеседника под столом из карманного «дырокола». – Я заметил, вы пьете только воду. Это силы Баланса запрещают вам употреблять крепкие напитки?

– Вовсе нет, – ответил я. – Амарго вызывает помутнение рассудка и пагубно влияет на ясность мыслей. Я должен сохранять над собой контроль днем и ночью. Трезвость – норма моей жизни.

И это слова Арсения Белкина, когда-то и дня не живущего без выпивки! Знал бы, что такое стыд, сгорел бы от него сей же момент.

– Понимаю, респетадо, – кивнул Квинт. – Давно хотел с вами познакомиться, но все не представлялось случая. Вы не вступаете в альянсы и никто не знает маршрутов ваших скитаний. Но вы всегда вовремя появляетесь там, где возникают вспышки одержимости. У вас потрясающая осведомленность и быстрые ноги, ведь говорят, вас ни разу не видели путешествующим верхом.

– Терпеть не могу лошадей, – поморщился я, припоминая свою первую и последнюю попытку освоить верховую езду. Никакого результата, кроме вывихнутого плеча и пожизненного отвращения к этим непарнокопытным строптивцам, мне достичь не удалось. – А от поездок в дилижансах меня тошнит. Скитаться на своих двоих намного приятней... Водички не желаете?

– Нет, спасибо... Да, я слышал, что лошади шарахаются от вас как от огня.

– Неужели настолько уродлив?

– Я не в этом смысле...

– Шучу, шучу. Все просто: лошади прекрасно чувствуют тех, кто их ненавидит. Так что наша нелюбовь с давних пор крепка и взаимна... Что еще интересного болтают обо мне в народе?

– Да много чего болтают, – махнул рукой Квинт. – Только мало тех сплетен похоже на правду. Хотя в некоторые я верю. Например, когда меня заверяют, что вы – маэстро боя на короткой дистанции.

– Неправда, – опроверг я это громкое заявление. – Я никогда не называл себя маэстро и не намерен отвечать на ваш вызов, если вы вдруг вздумаете устроить мне испытание.

– Я бы в жизни не осмелился бросить вам такой вызов, респетадо, – поспешил заверить меня Квинт. – Есть в мире вещи, которые следует принимать на веру и без доказательств. Даже не называй вы себя маэстро проксимо-боя, я бы с готовностью присвоил вам этот статус. И не потому, что вы деретесь исключительно с одержимыми. Только маэстро, скитаясь в одиночку, выберет себе в качестве оружия «Экзекутор». Двустольный штуцер по-настоящему грозен лишь в умелых руках. С ним удобно воевать в команде, бок о бок с товарищами, которые всегда прикроют вас при перезарядке. Но вы ходите без сопровождения. Это значит, либо вы виртуозно владеете «Экзекутором», либо... извините – неуязвимый.

– Вот куда вы клоните, респетадо Квинт, – догадался я. – Вам не терпится подтвердить те слухи, согласно которым Проповедник якобы сам одержим Величием и пули его не берут.

– Ну... так думает большинство моих знакомых, – замялся Квинт, после чего уточнил: – Только не я!

– А что думаете вы?

– Респетадо Проповедник не одержимый, поскольку он не скиталец. Вы – выходец из оседлых. Вы ведь помните свое детство?

– Разумеется. Оно прошло очень далеко от этих мест.

– Где, если не секрет?

– Я бы мог вам ответить, будь мы одни, но здесь полно народу. Вряд ли им понравится то, что они услышат.

Квинт озадаченно нахмурился и отвел взгляд.

– Значит, и я в вас ошибался, – произнес он немного погодя. – Вам известен закон Мертвой Темы, следовательно, вы не оседлый. Пять лет назад в Терра Нубладо никто о вас

ничего слышал, а сегодня о Проповеднике, несущем Откровение, толкуют все, от мала до велика. Яснее ясного, что ваше появление было ответом сил Баланса на наплыв одержимых Величием, едва не повергших этот мир в хаос. Любопытно, почему Баланс выбрал именно такую тактику? Неужели у него не нашлось иного, более рационального способа обуздать одержимых?

Квинт затрагивал тему, которой я озадачивался уже несметное количество раз. И впрямь, иногда поступки богов выглядят для нас не слишком рациональными, что наводит на мысль, а так ли в действительности всемогущи эти боги? В моем родном мире церковь развеивала подобные сомнения универсальными отговорками, типа «на все воля божья» или «неисповедимы пути Господни». В переводе на понятный язык это означало «не твоего ума дело». И все же в том мире жили не такие мстительные боги, как в Терра Нубладо. Здесь расплата за излишнее рвение в поиске истины наступала мгновенно.

Квинт прекрасно чувствовал, где пролегает черта, за которую ему нельзя переступать, и сформулировал свой главный вопрос – «кто ты в действительности и откуда, Проповедник?» – при помощи безобидных рассуждений. Скиталец явно рассчитывал, что я отвечу ему в той же манере: завуалированно, держась в рамках дозволенного и обходя Мертвую Тему намеками. Квинт был неглуп и легко догадался бы, что я скрываю за этими намеками. Только у меня, при всем уважении к собеседнику, отсутствовало всякое желание знакомить его с догадками касательно моего перерождения. Знал бы правду, раскрыл бы ее, а так... Рассказывать же Квинту отнюдь не образцовую биографию Арсения Белкина – тут одними намеками не обойдешься.

А если честно, устал я от всех этих тайн и догадок. Настолько устал, что осточертело о них даже вспоминать. Проходимец Белкин, чернорабочий Баланса Проповедник... Какая в итоге разница? В первом мире я не убивал, но всюду занимался грабежами и постоянно кутил в свое удовольствие; во втором – служу якобы силам Добра, но пускаю в ход оружие при каждом подходящем случае. Раньше лишь брал, теперь таким вот своеобразным способом возвращаю долги. Так кто из нас менее грешен: Арсений Белкин или Проповедник? Скажете, второй? Это опять же как посмотреть. Миротворчество, которое я хотел совершить полчаса назад, имело под собой самые благие намерения, и во что в конце концов все вылилось? Хотя, говоря начистоту, если бы не я, ссора могла разрешиться гораздо трагичнее.

– Будь в мире все устроено рационально, – ответил я на последний вопрос Квинта, – люди давно жили бы в согласии и не вгрызались друг другу в глотки при малейшей обиде. Но такому не бывать, поскольку это противоречит основным законам Баланса. Как можно уравновесить чаши мировых весов, когда одна из них останется пустой? Принцип Абсолютного Баланса гласит: чаша с добродетелью должна быть адекватна чаше, наполненной пороками. Так было, есть и будет. Искореним одержимость – появится новое зло и новый Проповедник для борьбы с ним...

Эх, жаль, Зануда не слышал! Он бы наверняка сейчас мной гордился, поскольку его уроки я усвоил хорошо: хочешь вежливо уйти от ответа – напускай на себя умный вид и начинай рассуждать на вечные темы.

– О роли пороков в урегулировании Баланса – это вы точно подметили, респетадо, – согласился Квинт. – Именно поэтому вы до сих пор позволяете разгуливать по Терра Нубладо мелким одержимым, вроде Кассандры Болтливый Язык? Так сказать, чтобы мы слишком не расслаблялись и всегда помнили об угрозе.

В его словах слышалась плохо скрываемая ирония.

– Вы о той девушке, о которой говорил перед смертью Кастор? – попросил я уточнения. Поворот нашей беседы мне не понравился, однако вопрос был задан конкретный, даже провокационный. Уклоняться от него прежним приемом являлось попросту несолидно.

– Да, о ней: Кассандре Болтливый Язык, – Квинт произнес это имя с подчеркнутой размеренностью. – Хотите сказать, что ни разу не слышали об этой девчонке-прорицательнице?

– Почему же? Доводилось, – признался я. – Как и о многих других одержимых, якобы безнаказанно шастающих по провинциям. Кое-кого из них мне сдавали прямо на руки бдительные скитальцы, вроде нашего Берси. Только ни один из тех пойманных не был удостоен Откровения. Именно по этой причине я всегда пользуюсь лишь своими, проверенными источниками информации. Они не лгут. Что же касательно прорицательницы, то пока я не слышал, чтобы кто-то пострадал от ее сказок о счастливом будущем.

– Возможно, и так, но мне не раз доводилось слышать обратное: эти сказки касаются Мертвой Темы, а сама одержимая Кассандра невосприимчива к ней, – возразил Квинт. – Зачем, спрашивается, скитальцам наговаривать на безобидную девчонку? Мы с покойным Кастором столкнулись с Кассандрой на прошлой неделе в фуэртэ Транквилло. Но проверять, правду о ней толкуют люди или нет, не рискнули. Обошли стороной – пусть прорицает себе на здоровье. Нам и без ее предсказаний неплохо скиталось.

– Если прорицательница причиняет своими словами вред, почему никто до сих пор не занялся ею? – недоверчиво спросил я. – К злостным одержимым она не относится. Неужели группе скитальцев не по зубам поймать и прикончить вредоносную девчонку?

– Кассандра не носит оружия, – пояснил Квинт. – Именно поэтому она до сих пор жива. Какому скитальцу охота терять авторитет, убивая безоружную девку? Ее проще обойти стороной, как и поступили мы с Кастором.

– Чего, интересно, она добивается? – рассудил я вслух. – Авторитет таким образом зарабатывает? Или скандальную популярность? Сомнительная жизненная цель, но, кажется, Кассандра ее уже достигла.

– Возможно, она просто сумасшедшая, – выдвинул более рациональное предположение собеседник. – Прорицатели, они ведь все немного... не от мира сего.

«Как и Проповедники, – хотел добавить я, но промолчал, отметив про себя: – Однако отрадно слышать, что не я один здесь выходец из другого мира».

– Вы меня заинтриговали, респетадо Квинт, – налив себе новый стакан воды, произнес я. – Так или иначе, требуется выяснить, кто такая эта Кассандра. Говорите, что в последний раз видели ее в фуэртэ Транквилло? Замечательно. Завтра я отплываю на север и загляну в тот городок на обратном пути. Проверим, так ли болтлив и опасен язык Кассандры, каким вы мне его описали...

Глава вторая

– Мистер Мэддок, я вызвал вас, чтобы спросить, почему вы не даете мне исчерпывающую информацию по проекту «Джесси Джеймс». Вы намеренно утаили от меня ряд фактов или просто не сочли важным включить их в свои отчеты?

– Боюсь, я вас не понимаю, мистер Адамс. Все мои отчеты об интеграции Джесси в Терра Нубладо подробны и объективны. О каких фактах идет речь?

– Не стану скрывать: вчера я беседовал с профессором Эбертом, и он рассказал мне кое-что интересное, о чем вы по неизвестной мне причине умолчали. Согласно вашим отчетам, все проходит гладко и исход почти прекратился...

– Так и есть, мистер Адамс.

– Погодите, не перебивайте, Патрик. Да, вы остановили исход, и это похвально. Сэтой точки зрения ваша работа над проектом заслуживает всяческих похвал. Однако вы не докладывали о том случае, когда Джесси заартачился и хотел уклониться от исполнения своих обязанностей. Как вас понимать? Неужели вы сочли этот инцидент несущественным?

– Вот вы о чем!.. Да, подобное и впрямь имело однажды место, но все было улажено в кратчайший срок. Не думаю, что по данному поводу стоило волноваться – обычная техническая накладка, только и всего.

– Позвольте с вами не согласиться, Патрик. Я рад, что вы оперативно нашли управу на строптивца, однако поставить меня в известность было все-таки необходимо. Вы должны осознавать, что, если Джесси решит окончательно и бесповоротно выйти из игры, нам его не удержать. Проект придется закрыть, а это значит, что вложенные в него средства улетят в трубу. Мы понимали, что наши вложения окупятся не сразу, поэтому в первую очередь рассчитывали на стабильность работы проекта. Если вы не можете дать на это гарантий, лучше скажите сейчас. Иначе вам придется держать ответ не передо мной, а перед нашими акционерами.

– В данный момент я не вижу причин закрывать проект «Джесси Джеймс», мистер Адамс. Беря в расчет, что проект не имеет аналогов и нам приходится самим разрабатывать необходимые параметры и стандарты, дела наши движутся весьма неплохо. Акционерам пока не о чем беспокоиться.

– Хорошо, допустим. Но профессор Эберт также сообщил, что Джесси не оставляет попыток докопаться до правды и постоянно пытается проникнуть в библиотеки. Не спорю, любопытство для него вполне естественно, однако вы опять же не ни слова не упоминаете об этом в отчетах.

– Потому что и здесь не вижу причин для беспокойства. В библиотеки нашему правдоискателю проникнуть так же сложно, как выйти за пределы своего мира.

– Эх, мне бы хоть каплю вашего оптимизма, мистер Мэддок! Жаль, не могу позволить себе такую роскошь...

– Элиот Эберт только за тем и приходил, чтобы поведать вам неизвестные подробности из жизни Джесси, мистер Адамс?

– Нет, конечно. Наш темный гений приносил мне свои аналитические выкладки по запросу, которым я озадачил Эберта неделю назад. Касательно того, целесообразно ли начинать эксперименты по адаптации Джесси к условиям Терра Олимпия.

– Переход в Терра Олимпия окажется серьезным испытанием для Джесси, мистер Адамс, и мы с Эбертом уже не раз обсуждали это. Джесси быстро адаптировался в Терра Нубладо лишь потому, что она близка к нашей реальности. Вряд ли у него получится так же скоро привыкнуть к Терра Олимпия, и не факт, что получится вообще. На данном этапе

нашего проекта я бы не стал подвергать подопытного столь серьезным психологическим перегрузкам.

– А вот профессор Эберт с вами не согласен, мистер Мэддок. По его мнению, он без труда заставит Джесси чувствовать себя в Терра Олимпия так же комфортно, как и в Терра Нубладо. И профессор готов хоть сегодня доказать это. Дело за малым: Эберту нужно дополнительное финансирование.

– Элиоту всегда не хватает денег на исследования. Похоже, он готов рисковать здоровьем Джесси только ради дополнительной финансовой подпитки своей лаборатории. Вам надо отдавать на растерзание акционерам не меня, а Эберта.

– Про попытку адаптации профессор высказался теми же словами, какими утешали меня вы: у нас нет причин для беспокойства. Я выделю Элиоту половину средств от тех, что он просит. Пусть лабораторная крыса трудится, это в наших же интересах. И вам, Патрик, необходимо срочно объединить с Эбертом усилия. Он – педант и практик, и ему катастрофически не хватает творческого мышления, как у вас. Профессор перенесет Джесси в Терра Олимпия, а выдумать для подопытного правдоподобную легенду – это уже по вашей части. Я знаю, что Джесси вам доверяет и сегодня вы для него – единственный друг.

– Единственный друг Джесси – это его двустовка. Но вы правы, мистер Адамс: мы с Элиотом Эбертом в ответе за того, кого приручили, так что нянчиться с этим дьяволом – наша святая обязанность...

Заниматься пиратством в Терра Нубладо не возбраняется, как и любой другой антисоциальной деятельностью. В мире Баланса не существует законов, запрещающих выбирать себе род занятий, от простых до уникальных, наподобие создания культа амарго; члены этого экзотического культа часто организовывали в столице грандиозные фестивали, где вручали друг другу награды, типа «пропойца месяца» или «промот года».

Мечтаешь быть пиратом? Будь им! Только смирись с мыслью, что твой авторитет укрепится лишь в узком кругу тебе подобных, а пиратская карьера продлится до того момента, пока ты не затронешь интересы какого-нибудь диктатора. Живущие в постоянной вражде, при пиратских набегах диктаторы объединялись на удивление быстро и давали отпор любому, кто посягал на их собственность. Аналогичная ситуация складывалась с грабителями, наемными убийцами, ворами и прочими, кого плут Белкин считал бы собратьями, а Проповедник относил к помехе, частенько возникающей на пути.

Туманный мир давал право на жизнь всем, кто подчинялся законам Баланса, доверяя обитателям самостоятельно урегулировать между собой отношения. Каждый выживал всеми доступными ему способами – хоть и малоцивилизованные, но предельно честные правила игры. Твоя судьба зависела только от твоих личных качеств и, разумеется, удачи. Деньги, связи и прочая «движущая сила», характерная для развитой цивилизации, здесь помогали лишь отчасти. Зачем давать взятку приближенному диктатора, если ты вправе прикончить его и занять вакантное место?

Я, кажется, слышал, как кто-то сказал «анархия»? В принципе, верное определение, причем в Терра Нубладо анархия действительно являла собой мать порядка. А в роли отца выступал Баланс. Вместе же эта парочка создавала у себя в доме льготные условия для жизни тем, кто не был слишком притязателен и воспринимал как должное прохладное к себе родительское отношение.

Правда, кое-кто мнил, что эта вседозволенность не имеет границ, и впадал в одержимость Величием. Для таких нерадивых отпрысков Баланса и существовал Проповедник – крепкий отцовский ремень, поучающий остолопов уму-разуму.

Речное пиратство – занятие куда более рискованное, нежели морское. Каким бы широким ни выглядело русло реки, у пирата все равно оставался очень небольшой простор для

маневров. Да и удирать грузенному награбленной добычей речнику всегда приходилось в жуткой спешке – мерсенарии диктатора легко догоняли нерасторопного флибустьера по берегу на лошадях. И, несмотря на подобный риск, всегда находились желающие взять на абордаж набитые товарами торговые ланчи.

Негоцианты защищались, как могли: нанимали выносливых гребцов, увешивали мачты парусами, закупали безумно дорогие картечницы и мортиры, после установки которых и без того неповоротливые ланчи едва не скребли киями дно. Пираты тоже не оставались в долгу: ставили плавучие заграждения, применяли гарпуны, сети, лодки-тараны, стреляли по торговцам из отобранных у них же картечниц и мортир. В общем, веселая жизнь порой кипела на речных просторах Терра Нубладо.

Рек на туманном материке было предостаточно. Мой путь лежал к самой крупной из них – Пуресе, – берущей свое начало на закованном льдами севере и теряющейся в удушливых болотах безлюдного Юга. Весь год Пуреса держалась довольно полноводной и даже в засушливые месяцы на ней не прекращалось судоходство. Противоположный берег реки даже в узких местах русла всегда скрывался за пеленой тумана. И потому каждый раз, когда я выходил к берегам Пуресы, мне чудилось, будто я заплутал и по ошибке добрел аж до западного побережья, к морю Встречного Ветра.

Сегодня мой маршрут отличался от обычного и я не искал перевозчика, дабы попасть на другой берег. У маленькой деревенской пристани, куда я добрался ближе к рассвету, Проповедника уже поджидала ланча. Согласно плану, с которым намерен меня ознакомил Зануда, мне предстояло совершить путешествие на север, вверх по реке. А насколько оно затянется, зависело от дальнейшего развития событий.

– Вы на редкость пунктуальны, респетадо Проповедник, – польстил мне Инод, капитан и владелец торговой ланчи «Гольмсток», когда я поднялся по сходням к нему на борт. – Мы причалили лишь двадцать минут назад. Маэстро Гвидо поставил нас в курс дела. Я всегда готов услужить Балансу и рад видеть вас на борту «Гольмстока»!

– Странное имя у вашей лодки, – заметил я, пристально взглянув на Инода. Слабый отзвук Мертвой Темы прозвенел у меня в голове. Или это только почудилось? Хотя глаза явно не лгали, а логика уже переставляла местами слоги в названии ланчи. – Что оно означает?

– Никакого секрета, респетадо, – и глазом не моргнув, ответил негоциант. – Так звали породистого скакуна у одного моего хорошего знакомого. Быстрый был конь, словно ветер бежал, клянусь, не лгу! Вот и пришло мне в голову это имя, когда ланчу строил. А что оно означает, этого я вам, респетадо Проповедник, не скажу, потому что сам не знаю.

Отвертелся, значит, хитрая негоциантская морда! Ну да черт с тобой, нет времени освежать тебе память, а иначе ты живо припомнил бы разгадку этого ребуса.

– Разрешите отчаливать, респетадо Проповедник? – услужливо поинтересовался Инод.

– Я больше никого не жду, – проворчал я. Лицемерный владелец этой посуды не вызывал у меня никакого расположения.

Инод понимающе кивнул, после чего замахал руками и принялся громко понукать командой, которая тут же засуетилась, начав готовить ланчу к отплытию.

Меня приняли на борт «Гольмстока» не в качестве пассажира или охранника, хотя капитан и получил в лице Проповедника бесплатный эскорт. Ланча Инода являлась наживкой, а я был крючком, который скрывался в ней. В этом и заключалась моя очередная служба: сидеть в плывущей на север ланче и терпеливо ждать до тех пор, пока нуждающиеся в Откровении сами не пожалуют тепленькими ко мне в руки.

Пиратская шайка Твердолобого Либро уже давно снискала себе грязную славу по всей Пуресе, от севера до юга. И не было бы в этом ничего необычного, если бы слава Либро дозрела до кондиции в нормальный срок – полгода, как минимум. Все скороспелые авторитеты в Терра Нубладо достигались только в состоянии одержимости Величием, а значит,

пришла пора напомнить Твердолобому, каким силам он посмел угрожать своей абордажной саблей.

Со слов Гвидо, уже два диктатора разбили кулаки о твердые лбы этой шайки. Сам Либро чуть ли не в одиночку расправлялся с целым отрядом мерсенариев – это подтверждали скитальцы, которые выжили после провалившихся карательных операций. Чертова дюжина одержимых пиратов вот-вот угрожала полностью парализовать главную торговую магистраль Терра Нубладо. Мотаясь на своем катамаране по реке и наводя ужас на порядочных негоциантов, Твердолобый серьезно дестабилизировал экономику центрального региона. На диктаторов, чьи ланчи также подвергались разграблениям, надежды больше не было. Пуреса превратилась в натуральный анклав Дисбаланса; трещину, расколовшую пополам туманный мир. Удар извечно противостоящих нам сил Хаоса был нанесен неожиданно и стратегически выверенно.

Не в меру распоясавшийся Либро поневоле наступал на собственное горло. Чем больше наглед флибустьер, тем меньше торговых ланч курсировало по Пурсе и, следовательно, скуднее становилась добыча. Однако отдельные смельчаки все еще не отказывались идти на риск, пытаясь перевозить товар по реке. На это мы и рассчитывали: одиноко плывущая вверх по течению, груженная под завязку ланча должна была непременно привлечь внимание Твердолобого. Мне же оставалось только не упустить шустрого Либро, вполне вероятно, еще не ожидающего в гости Проповедника.

При хорошем попутном ветре «Гольмсток» мог идти против течения под одними парусами, однако в это утро ветер дул слабый, и Инод рассадил вдоль бортов две дюжины гребцов, нанятых им в прибрежных фермерских поселениях. Гребцы не налегали на весла, лишь вполсилы пошевеливали ими, помогая ветру двигать ланчу вверх по реке. Спешить не следовало, но, плыви мы чересчур медлительно, это выглядело бы подозрительно.

Помимо капитана, основная команда «Гольмстока» состояла из трех человек: двое обслуживали паруса, один периодически измерял глубину лотом-грузилом. Сам Инод нес бессменную вахту у штурвала. Я устроился на корме, под навесом, сев таким образом, чтобы наблюдать за тем, что творится и по курсу, и за кормой.

Инод вел ланчу, не выходя на стремнину и держась ближе к левому берегу, с которого он меня подобрал. Из-за дождя, лившего вчера весь день и половину ночи, туман сгустился, и потому даже ближний берег просматривался лишь нечеткими очертаниями. По нему тянулись беспросветные леса, которые должны были закончиться где-то у фуэртэ Транквило. Туда я планировал навеститься на обратном пути, чтобы встретиться с прорицательницей...

Кассандра Болтливый Язык, прорицательница, о которой в туманном мире ходило столько слухов... Пророчица, которая действительно знала многое об иных мирах, или бессовестная лгунья, обожавшая своими байками пудрить мозги честным скитальцам? Я давно хотел встретиться с Кассандрой, но наши пути, как назло, ни разу не пересеклись. Словно параллельные прямые. Говорило ли это о том, что мы с прорицательницей одного поля ягоды? Вполне возможно. Или это мои покровители препятствовали нашей встрече? И такое не исключено.

Если Квинт прав и прорицательница одержима Величием, значит, она станет первой одержимой в моей практике, с которой мне, вероятно, удастся по-человечески побеседовать. Разговаривать с другими одержимыми бесполезно. До прослушивания Откровения они не хотят этого делать, после – уже не могут. Те редкие случаи, когда мне удавалось перед проповедью обменяться с одержимым парой фраз, ровным счетом ничего не значили. Да и что это были за фразы – сплошная брань и угрозы. Вряд ли безоружная сеньорита Болтливый Язык проявит ко мне агрессию, так что шансы на откровенный разговор с прорицательницей у меня имелись неплохие. Если Кассандра способна без ущерба для себя болтать на Мертвую Тему, то Проповедник с его иммунитетом являлся для прорицательницы просто идеальным

слушателем. Главное, не испугать девушку и сразу дать понять, что я ей не враг. А потом уже будет видно, заслужит она проповедь или мы разойдемся полюбовно.

Черт побери, наконец-то в моей загробной жизни появилась цель! Блюсти интересы Баланса – это не цель, а опостылевшая повинность. Идеальный Баланс – утопия, и похоже только один Гвидо верит в него. Я верил в более достижимые вещи, такие, как Истина. Она действительно существовала, но ее требовалось долго и упорно искать. И вот теперь я, кажется, разглядел в туманном мире ориентир для поиска этой неуловимой Истины...

Хлип-хлюп... Хлип-хлюп...

Волны за бортом и весла гребцов нота в ноту повторяли все ту же набившую оскомину однообразную мелодию. Что творилось в этом мире со звуками? Такое впечатление, что Создатель Терра Нубладо отобрал из богатейшей звуковой палитры Вселенной лишь то, что пришлось ему по вкусу. Вкусы же у него оставляли желать лучшего, как и музыкальный слух. Признаю, что в музыке я профан, однако уже долгое время меня обуревали сомнения, что в туманном мире не все в порядке с количеством музыкальных нот. Вероятно, именно по этой причине местные народные композиторы пользовались от силы тремя-четырьмя, а особо одаренные – максимум пятью нотами. Вот и сейчас в песне, что затянули гребцы, была и мелодия, и гармония, но все равно чего-то недоставало. Может быть, души, абсолютно не нужной для музыки загробного мира?

К обеду распогодилось. Туман наконец-то вернулся в норму, рассеялся и отполз обратно, к линии горизонта. Ближний берег теперь просматривался хорошо, дальний как всегда оставался невидимым. За день нам попались на глаза лишь несколько рыбацких ланч, прочий водный транспорт словно вымер. Некогда оживленная торговая магистраль, ныне Пурса выглядела пустынной и вызывала чувство тоскливого одиночества. И похоже, не у меня одного: дабы разогнать тоску, гребцы тянули одну песню за другой. Не знаю, как Иноду и команде, а мне от таких песен хотелось выброситься за борт. Хоть бы на пелискаре кто певцам подыграл, что ли...

Время, которое в туманном мире вообще не имело привычки бежать, тянулось столь же медленно, как наша ланча. Много бы отдал сейчас за простую книгу, пусть даже с поэзией, к которой почему-то с детства не питал теплых чувств. Однако ни прозы, ни поэзии в Терра Нубладо никто не документировал. Все истории и стихи переходили из уст в уста, отчего одна и та же популярная байка зачастую рассказывалась совершенно по-разному. Например, легенда о Проповеднике доходила до моих ушей в нескольких вариантах. Единственные книги, которые я здесь видел, были скитальческие путевые блокноты да амбарные книги негоциантов и трактирщиков. И тем сильнее вызывало недоумение наличие в фуэрте Кабеса и других крупных городах библиотек – монументальных зданий, построенных в готическом стиле, попасть куда было еще сложнее, чем в диктаторскую цитадель. Решив как-то наведаться в столичную библиотеку, я был остановлен крепко запертыми массивными воротами, оснащенными солидным врезным замком. На требовательный стук никто не ответил. Имейся у меня при себе воровской инструмент, я бы без проблем вскрыл этот замок – Проповедник знал, как проделывать такие фокусы, от Арсения Белкина. Но из пригодного для взлома инструмента под рукой был только «Экзекутор», использовать который для подобных целей являлось признаком дурного тона. Да и неизвестно, как отреагировали бы горожане на мое поведение. Проповедник, выламывающий дверь в общественное учреждение, – долго бы народ судачил о моей выходке. Поэтому пришлось отказаться от намерений приобщиться к здешней культуре.

Та же ситуация раз от разу повторялась и перед дверьми других библиотек. Видимо, для их посещения Проповедник рожей не вышел. Обидно – не то слово. Меня до сих пор терзало любопытство, кто же ходил в эти практически единственные культурные заведения

в Терра Нубладо и за какие заслуги выдавались ключи от них. Даже живущие по соседству с библиотеками горожане затруднялись ответить на этот вопрос...

Фуэртэ Транквило миновали вечером. Инод решил не останавливаться на ночлег в городе, под защитой мерсенариев местного диктатора Фило. Предприимчивый капитан решил, что мое присутствие на ланче позволяет ему сэкономить на охране и аренде причала, и потому необходимость ночевать в городе автоматически отпадала. Я догадывался, что, когда маэстро Гвидо обсуждал с Инодом условия моей поездки, негоциант недолго торговался. Риск путешествия с Проповедником по пиратским территориям компенсировался минимальными издержками и бесплатной охраной. Оставив за кормой пристань фуэртэ Транквило, мы последовали дальше. Мерсенарий, выскочивший на причал при нашем появлении, провожал нас недоуменным взглядом. Похоже, после спада темпа речных перевозок здесь радовались каждому, кто пришвартовывался у пристани.

Инод выбрал для ночной стоянки узкую песчаную заводь севернее города, но, испугавшись посадить «Гольмсток» на мель, бросил якорь, не приближаясь к берегу. Кто желал, мог оставаться в ланче, но все предпочли ночевать на суше, даже несмотря на то, что до нее пришлось добираться вплавь. На «Гольмстоке» остался только вахтенный. Инод и остальные побросали провизию и одеяла в легкий одноместный ялик, а сами прямо в одежде попрыгали за борт и поплыли к берегу. Прихватив «Экзекутор», я последовал примеру команды. Страсть как не тянуло сигать в холодную воду, однако пребывание на шаткой палубе успело мне за день порядком осточертеть. Такой сухопутной крысе, как я, было неудобно пребывать долгое время в неестественной среде.

Одна из странностей, к каким я до сих пор не привык в Терра Нубладо, – это купание. Быстро высыхающая одежда перестала удивлять меня в первые же дни, но купание... Сложно описать ощущения, что испытывал я, плывя к берегу. Воды Пуресы не выталкивали мое тело на поверхность – очутившись за бортом, я словно обрел невесомость и не поплыл, а полетел. Нырание вообще не требовало усилий – погружение и всплытие давались мне с одинаковой легкостью. Сопротивление воды отсутствовало напрочь, но тем не менее скорость моего плавания напрямую зависела от энергичности гребков и речного течения. Голова шла кругом от подобной алогичности. На вид и на вкус вроде бы обычная вода, разве что чересчур пресная. А как окунешься с головой, начинаются форменные чудеса. Зато какое удобство, если вдруг надумаю утопиться. И камень искать не надо – просто доплыву до дна, улягусь на мягких водорослях, да вдохну полной грудью. Любопытно, удастся ли таким образом провести Баланс, или он успеет бросить мне спасательный круг в виде очередного приступа амнезии?..

Через полчаса на пляже уже пылал костер, а один из гребцов, расставив над огнем треногу, усердно помешивал в котле что-то густое и сдобренное ароматными пряностями. Инод попытался позвать меня в компанию, но я отказался. За угощением непременно последуют нежелательные расспросы, на которые мне в качестве благодарности волей-неволей придется отвечать. Да и судя по выражению лиц помощников Инода, им не слишком хотелось хлебать из одного котла с Проповедником. Вежливо поблагодарив за приглашение, я сказал, что сыт, после чего удалился от речников и расположился у выхода из заводи – там, где река просматривалась вплоть до границы тумана. Пусть лучше Инод упрекает меня в нелюдимости, чем в халатном отношении к служебным обязанностям. Проповедник не отдыхал – он продолжал нести службу.

Слушая долетавшие от костра разговоры, сдержанный смех и незлобивые перебранки, я постарался вздремнуть – появившись на реке подозрительная ланча, скользящий на палубе «Гольмстока» вахтенный обязательно засечет ее. Несомненно, когда речники заснут, он тоже захрапит вместе с остальными – я заметил, что хитрец уже втихаря свил себе уютное гнездышко на канатной бухте – чувствует, что Инод поленится плыть к нему среди ночи с провер-

кой! А пока вахтенный маячил на глазах у капитана и поглядывал на реку, я имел право расслабиться. Мне удалось покемарить вполглаза еще в пути, теперь предстояло добавить к дневному сну ровно столько, чтобы грядущей ночью бодрствование не пришлось для меня в тягость.

Первыми уgomонились гребцы. словно по команде, они единодушно поднялись на ноги, отошли от костра и отправились спать. Оседлые всегда и везде старалась придерживаться пусть символического, но распорядка. Подобный консервативный уклад жизни проявлялся у них во всем, поэтому наемные работники из них выходили просто идеальные: дисциплинированные, покладистые и непривередливые. А вот в качестве вояк оседлые выглядели не слишком впечатляюще, хотя когда диктаторы рекрутировали их на войну, они маршировали в бой безропотно. К сожалению, кроме героического фатализма, другими воинскими достоинствами оседлые похвастаться не могли. Рядовой мерсенарий-скиталец стоил в бою полудюжины оседлых рекрутов, а для бойцов вроде Квинта они и вовсе были не противники. На труде оседлых зиждилась экономика Терра Нубладо, а политические игры были всецело отданы на откуп скитальцам. Силы Баланса считали, что так справедливо, и я не видел повода не соглашаться с ними.

Иногда еще какое-то время поточил лясы с помощниками, после чего уснули и они. В полудреме я уловил, что беседа у костра стихла, и усилием воли прогнал остатки сна. Настала моя очередь бодрствовать. Впереди ожидалась беспокойная ночь – где-то по реке рыскала на своем катамаране шайка Твердолобого Либро. Если Гвидо снабдил меня достоверной информацией, темнота не являлась для Твердолобого преградой, а следовательно, он мог легко захватить нас врасплох. Мы были не настолько гостеприимны, чтобы позволить одержимому пирату хозяйничать на нашей ланче. В Терра Нубладо не принято приходить в гости без приглашения, а тем более приходить по ночам. Кто забывал эту старую традицию, тому напоминали о ней в убедительной форме. Проповедник обязан был предъявить Твердолобому последний решительный довод в том, что Либро зарвался. Сам одержимый этого, к сожалению, не понимал...

Благодаря туманному горизонту рассветы и закаты в Терра Нубладо не выглядят столь впечатляюще, как, например, на Лазурном побережье Средиземного моря. Вечером солнце растворяет свой багровый диск в тумане, а утром просто выныривает из белой пелены с противоположной стороны света. Обычно я глядел на эти каждодневные природные явления равнодушно, но сегодня рассвет пробудил во мне радость. Прежде всего он известил нас о том, что ночь прошла спокойно, а днем любые неприятные сюрпризы воспринимаются уже не так болезненно. По крайней мере, к визиту негодяев это относится.

Отплывали, как и планировалось, с первыми лучами солнца. Впереди предстоял еще один день речной прогулки для меня и рутинной работы – для остальных. Однако не успела на мне после возвращения на «Гольмсток» просохнуть одежда, а гребцы, разминая плечи, только-только закрепили в уключинах весла, как вдруг на фоне тумана, со стороны фуэртэ Транквило, показалось темное пятнышко.

По Пурсе двигалась ланча, и все бы ничего, только неслась она против течения с умопомрачительной скоростью. О двигателях в Терра Нубладо пока слухом не слыхивали, даже о паровых, а чтобы развить такую прыть на парусе и веслах, требовался сильный ветер, прочные огромные паруса и команда, сплошь состоящая из олимпийских чемпионов по академической гребле. Неизвестно, кем являлись гребцы на той посудине, но паруса на ней стояли стандартные, а ветер в это утро дул умеренный.

Мы не отрываясь следили за приближающейся ланчей. Даже невозмутимые оседлые привстали со скамеек и тревожно всматривались в даль. Вскоре стало понятно, что лодок в действительности две и движутся они, скрепленные между собой, под одним парусом.

Гребцы катамарана работали веслами в неимоверном темпе, отчего, казалось бы, не слишком быстроходная посудина рассекала речные волны словно, торпеда.

И эта «торпеда» шла напрямиком на «Гольмсток»!

– Либро! – заскрежетал зубами Инод. – Нам не успеть выйти из заводи! Он запрет нас здесь, как в бутылке!

– Вот и отлично, – ответил я и, поймав удивленный взгляд капитана, пояснил: – Оставайтесь на месте и никуда не бегите. Горловина у нашей «бутылки» узкая – помнишь, ты еще боялся вчера, что мы в нее не протиснемся? Катамарану сюда и подавно не проникнуть. Либро бросит его у выхода и снарядит к вам сухопутную делегацию. Это разделит и ослабит его силы.

– Что вы задумали, респетадо?

– Разыграю с Твердолобым партию в калибрик... Теперь попрошу внимания! – Я повысил голос, дабы меня расслышали все находившиеся в ланче. – Плывите на берег, разбегайтесь кто куда и прячьтесь! Никакого геройства – помните, с кем имеете дело! Не бойтесь, когда я начну проповедь, Либро станет уже не до вас. Если мне повезет, ваше добро останется невредимым, если нет – вам все равно не уберечь его. Вы окажете мне неоценимую услугу, если сделаете все как я сказал! Поторопитесь! Удачи, респетадос!

После этих слов я перемахнул через борт и поплыл обратно к берегу.

– И вам удачи! – крикнул мне вслед Инод. – Мы постараемся!..

Выйдя из воды, я не стал задерживаться на пляже, а, пригнувшись, припустил со всех ног к зарослям кустарника. Они обрамляли песчаную заводь и доходили вплоть до берега Пуресы. К берегу я под прикрытием растительности и направлялся. Скинув плащ и шляпу, чтобы не цеплялись за ветки, я добрался до побережья в ту минуту, когда катамаран Либро перекрыл «бутылочное горлышко». Пираты бросили якорь аккуратно напротив выхода из заводи. Я выбрал себе наблюдательную позицию и залег, выжидая подходящего момента. Пока что мой расчет был верен: Твердолобый не рискнул загонять катамаран в узкую протоку и теперь наверняка готовился к высадке. Я полагал, что на борту пиратской посудины останется не больше трех человек, в то время как подавляющая часть «чертовой дюжины» пиратов отправится на «Гольмсток» во главе с капитаном. Хотелось надеяться, что негодянт крепко усвоил мои рекомендации, будет паинькой и не вяжется в драку – о Твердолобого обломали зубы мерсенарии двух диктаторов, куда уж до них Иноду со своей командой.

Воздух содрогнулся от грохота, а палуба катамарана окутались густым дымом. Я вздрогнул – стрельба из мортир по мирным торговцам не входила в мои прогнозы. Инод и его экипаж, уже покинувшие ланчу, но еще не успевшие разбежаться, попадали на песок и закрыли головы руками.

Леденящий кровь свист снарядов продолжался лишь пару секунд. Твердолобый палил не в «Гольмсток» или в его команду – это была лишь психологическая атака. Два снаряда – судя по всему, простые болванки – один за другим упали в воду, не долетев до ланчи Инода. Высокие, едва ли не выше мачты, фонтаны брызг взметнулись в воздух. Демонстрация силы вышла убедительной. Не успели еще брызги окатить корму «Гольмстока», а его команда уже скрылась с пляжа, треща ветками кустарника и унося ноги подальше от берега. Трудно сказать, чьим советам следовал Инод – моим или инстинкта самосохранения, – но в том, что он уже не ринется в бой, я был уверен...

Я чуть было не присвистнул от восхищения, когда увидел, каким лихим манером пираты высаживаются на берег. Это представление могло бы даже сэкономить Либро потраченные на запугивание снаряды. Такие акробатические выкрутасы нагнали бы на торговцев страху не меньше, чем пушечная стрельба. Катамаран стоял на якоре приблизительно в десяти метрах от берега. Пираты и сам Твердолобый, узанный мной по приметам, просто перепрыгнули этот промежуток, оттолкнувшись от борта, пролетев над водой и призем-

лившись в прибрежный песок. Одиннадцать головорезов вели себя, словно цирковая труппа гимнастов, что решила сорвать первые аплодисменты эффектным выходом на арену. Правда, аплодировать шайке Твердолобого было уже некому, а я, хоть и был восхищен мастерством одержимых артистов, от аплодисментов воздержался. Либро – статный гигант с длинными, собранными в хвост волосами, исполосованный шрамами и изрисованный татуировками, – громогласно расхохотался и компанейски хлопнул по плечу ближайшего товарища, уже не столь внушительного в сравнении с капитаном. Сошедшие на берег пираты поддержали главаря таким же громким хохотом. Не разделяла общего восторга только оставленная на катамаране парочка канониров: они потребовали от собратьев бросить валять дурака и побыстрее приниматься за дело.

Флибустьеры не спешили – брошенный «Гольмсток» уже принадлежал Либро со всеми потрохами. Запуганная до смерти команда негоцианта разбежалась в панике, побросав все в надежде, что грабители оставят им хотя бы ланчу. Взяв оружие на изготовку – револьверы, четырехствольные пистолеты, карабины и дробовики, – Либро со товарищи направился к «Гольмстоку». Одиннадцать пиратов шли в полный рост, не таясь – именно так ходят по своим владениям наделенные властью диктаторы. Кем мнил себя Твердолобый, неизвестно, но его ничуть не беспокоило, что бегство команды «Гольмстока» могло быть инсценировано, а в прибрежных кустах пиратов уже давно поджидала засада мерсенариев. Вряд ли Либро не предвидел этот вариант. Но одержимые не проявляли беспечность, они просто-напросто не боялись ни засад, ни других сюрпризов. Пираты шагали к добыче, и мгновенная смерть ожидала любого, кто вознамерился бы встать у них на пути.

Я тоже не собирался совершать такой самоубийственный поступок. Тринадцать агрессивных и хорошо вооруженных одержимых – давненько мне не приходилось сталкиваться со столь серьезной угрозой. Уже случалось, что при большом количестве «паствы» мои проповеди затягивались на несколько дней, а то и неделю. Иногда одержимым удавалось удрать от меня, и я пускался в погоню, бегая за ними как угорелый; иногда приходилось отступать самому, чтобы зализать раны. Но не было случая, чтобы я не доводил проповедь до конца.

Я планировал для начала отрезать Твердолобому путь к отступлению, а уже потом заняться им и его сворой. Мне действительно предстояло сыграть с Либро партию в калибрик, правда, начнется она не по правилам – со столкновения массивных фигур и при солидном перевесе одной из сторон.

Что ж, противник вывел свои фигуры на позиции, теперь подошел черед делать ответный ход...

Оставленные на катамаране пираты перезарядили мортиры и замерли возле них, прикрывая ушедших к «Гольмстоку» товарищей. Я же тем временем прокрался вдоль берега вверх по течению – туда, где заросли подступали вплотную к реке, – нырнул и поплыл под водой к пиратскому судну. Точнее, даже не поплыл, а, сберегая силы, отдался воле волн, которые никак не могли пронести меня мимо широкого катамарана.

Для пущей устойчивости «Рабиосо» – так называлось пиратское судно, – вся его артиллерия располагалась на палубе, что соединяла две ланчи в катамаран. Сами ланчи предназначались в основном для складирования награбленного товара. Поэтому шайка и пользовалась катамараном. Обычная ланча никогда не вместила бы столько добра, сколько стало доставаться Либро с приходом к нему феноменального везения.

Упершись руками в скользкие доски и нащупав выступ, за который можно было уцепиться, я осторожно высунул голову на поверхность и отдышался. Сейчас канониры не могли меня заметить – я вынырнул аккуратно промеж ланч, под соединяющей их палубой. Палубные доски были подогнаны друг к другу не слишком плотно, и в щели между ними я имел возможность следить за обоими пиратами. Они продолжали находиться возле орудий

и скорее всего будут торчать там до тех пор, пока Либро не подгонит сюда «Гольмсток» для перегрузки добычи. У меня еще имелось в запасе время, но медлить все равно было нельзя.

Вынырнув, я едва не стукнулся затылком о расположенный под палубой поворотный механизм мачты. Для его обслуживания в настиле был пропилен небольшой люк, которым я и воспользовался для проникновения на борт «Рабиосо». Люк размещался у подножия мачты, то есть прямо посередине палубы, а значит, мне предстояло выбирать, кем из канониров заняться в первую очередь. Использовать «Экзекутор» я не мог: во-первых, после купания требовалось несколько минут для просушки патронов, а во-вторых, было рановато привлекать внимание Твердолобого.

Я подтянулся на крепежной распорке и прильнул глазами к щели в люке, оценивая ситуацию. У канонира, который обслуживал кормовое орудие, на поясе болталась кобура с револьвером. Второй был вооружен карабином, прислоненным к борту в двух шагах от пирата. Головорез с револьвером выглядел проворнее, к тому же он стоял к люку боком, а его товарищ – спиной. Проблема выбора приоритетной атаки отпала сама собой.

Набрав в рот воды, я плюнул ею на петли люка, дабы те не скрипели, подождал несколько секунд, после чего быстро, но без стука, распахнул люк и мягко, по-кошачьи выскочил на палубу. На меня падала тень от паруса, что также способствовало маскировке. Время раздумий закончилось, теперь все решали скорость и выверенность действий...

Ощущаю себя охотящейся пантерой... Четыре шага до первого одержимого, четыре быстрых бесшумных шага... Я понемногу забираю вправо – атаковать необходимо не с бока, а со спины. «Экзекутор» оставлен мной у люка, поэтому руки совершенно свободны. План атаки определен, и даже если жертва начнет дергаться, он не изменится. А жертва непременно забеспокоится – пусть я и предельно осторожен, не заметить меня трудно. О втором одержимом я на несколько секунд забываю – если все пройдет как надо, он так и останется стоять спиной ко мне. Если нет – пока развернется на звук, пока осознает, что происходит, пока подберет карабин... В любом случае я окажусь возле него вовремя.

Канонир у кормового орудия замечает меня боковым зрением, когда я нахожусь от него в двух шагах. Рука канонира устремляется к револьверу... Проворный малый, надо отдать ему должное. Он успевает ухватиться за рукоятку, однако моя левая ладонь ложится поверх его руки и не позволяет выхватить оружие из кобуры. Правой рукой я затыкаю одержимому рот и крепко прижимаю к себе. Ухо пирата оказывается в паре сантиметров от моих губ...

– Воздаяние четыреста сорок три открыто! – произношу я быстрым шепотом. Одержимый хочет вырваться из моих объятий, но после первых же слов Откровения дыхание его перехватывает, словно он получает удар под дых. Глаза пирата едва не вылезают из орбит, а тело бьется в судорогах. Я крепче прижимаю собачку бойка его револьвера, поскольку одержимый может конвульсивно нажать на спуск.

Пока все идет как положено. Проповедь начата, и реакция «пациента» вполне нормальная. Завершить Откровение можно и позже – вмиг утративший волю одержимый будет пребывать в таком состоянии сколь угодно долго. Однако оружие у него надо от греха подальше отобрать.

Я отнимаю у пирата револьвер, а его самого роняю на палубу, пнув под сгиб колена. Этот противник мне больше не угрожает. Сейчас он балансирует между жизнью и смертью – именно так я называю состояние одержимого в момент проповеди. В какую сторону затем сместится баланс, решать опять же мне. Но чуть позже, поскольку меня уже поджидает следующий «пациент», внимание которого привлекает звук упавшего на палубу тела...

Теперь расстояние до жертвы в два раза больше – восемь шагов. Но на практике получаются все десять. Заметив, через какое плечо начинает поворачиваться на звук канонир носового орудия, я изменил вектор атаки и стал подкрадываться к жертве таким образом, чтобы все время держаться у нее за спиной. Получалась не прямая, а огибающая мачту дуга,

зато тень от паруса снова пришла мне на выручку. Второй канонир вовсе не обнаружил угрозы; все, что он успел, так это окликнуть лежащего без чувств товарища. После чего поперхнулся собственным криком и забился в конвульсиях, будто я не шепнул ему на ухо слова Откровения, а ошарашил электричеством...

– Воздаяние четыреста сорок четыре открыто! Внемли Проповеднику, одержимый Величием! Ощути истинную силу Баланса! Покорись его воле и вернись в этот мир кротким и полностью прощенным! Изгони из себя мятежный дух Дисбаланса! Он толкает тебя на неверный путь, умножает скорбь и разрушает твою жизнь. Сорви пелену с глаз, ужаснись плодам своих деяний и прими Воздаяние! Баланс милостив! Он прощает тебя и дает последнюю возможность изменить свою судьбу к лучшему и вернуть уважение братьев твоих! Слова Откровения просты, но именно в простоте их несокрушимая сила! Прислушайся к ним, одержимый, ибо, не сделав этого, ты будешь отвергнут Балансом и никогда не вернешься под его покровительство...

Усмиренный во мне бунтарь Арсений Белкин всегда удивлялся, каким образом Проповеднику удастся без запинки выдавать на-гора подобный бред. Слова вырывались из меня бешеной скороговоркой, я едва успевал их осмысливать. Белкину на трезвую голову такое на ум точно бы не пришло. С Откровением я буквально преображался, даже мой голос менялся до неузнаваемости, становясь холодным и отстраненным, почти механическим. В преображенном Проповеднике уже мало оставалось и от скитальца Терра Нубладо, и от прежнего человека. Если честно, я даже побаивался себя в новой ипостаси. Неконтролируемая речь – еще куда ни шло; меня беспокоило, как бы однажды она не перешла в неконтролируемые поступки.

Но удивляться здесь было бы нечему. Как говорил маэстро Гвидо, Откровение было ниспослано мне вовсе не для личного пользования, наоборот – это я придавался в услужение Откровению. И если в ходе следующей проповеди силы Баланса потребуют, чтобы Проповедник прошелся перед одержимым на голове, не сомневайтесь: пройду, никуда не денусь, пусть отродясь не занимался циркачеством. Не хочешь – захочешь, не можешь – помогут... Впрочем, далеко не все так плохо, как кажется. Обидно быть простой марионеткой, а участь избранной марионетки все же более почетна.

– Воздаяние четыреста сорок четыре закрыто! – доложил я не то силам Баланса, не то оставленному в покое бывшему одержимому. Сейчас в ногах у меня валялся и приходил в чувство обычный человек. Внешне он ничем не отличался от прежнего одержимого, однако взгляд его уже не пылал огнем презрения, характерным для всех одержимых Величием. Человек зябко дрожал и больше не намеревался оказывать сопротивление. Пользы от него пиратам, как от вояки, отныне было мало. Любой из оседлых легко одолел бы его даже на кулаках. Деморализованный флибустьер отлично понимал это и потому вел себя тише воды ниже травы.

Избавленному от одержимости давался второй шанс начать жизнь заново и вновь зарабатывать уважение, выбрав себе занятие по душе. Вплоть до того же самого пиратства, но по законам Терра Нубладо. Воздаяние, которого так испугался самоубийца Кастор, возвращало одержимого к некой точке отсчета, лишая его физических сил, воли и как следствие этого – авторитета. Баланс забирает у провинившегося перед ним скитальца все, кроме жизни, но на фоне утраченного он лишь сильнее начинал дорожить оставшимся богатством.

Грубо оттолкнув пирата, я отнял у него винтовку, а затем поспешил к его бьющемуся в судорогах товарищу. «Четыреста сорок третий» срочно нуждался в душеспасительных словах Откровения. Я еще не подозревал, какие именно слова скажу этому человеку, но знал – как только я открою рот, дабы завершить проповедь, слова сразу отыщутся. Любопытно, испытывают ли аналогичное озарение священники моего родного мира, когда проповедуют

перед паствой? Или столь всепроникающее вдохновение присуще лишь тому, кто не верит, а действительно знает, что он является рупором высших сил?

Удачным выдалось начало для тяжелой проповеди, однако мой первый ход в этой партии еще не закончен. Я захватил «Рабиосо» и теперь собирался использовать трофейное судно для реализации дальнейших планов.

– Поставьте парус и можете проваливать! – приказал я едва оклемавшимся пиратам. Ни один из них не посмел мне перечить. Двигаясь словно сомнамбулы – сказывалось-таки моральное и физическое истощение после Воздаяния, – «амнистированные» взялись поднимать спущенный парус, а я тем временем выбрал якорь. Вялый ветер кое-как расправил и надул парусину, и снявшийся с якоря «Рабиосо» двинулся вдоль берега, постепенно удаляясь от заводи. Выполнявшие приказ пираты попрыгали за борт, доплыли до мелководья и кинулись к ближайшим кустам. Возвращаться к Либро после такого прокола они, естественно, не собирались.

Без поддержки гребцов «Рабиосо» будто сам избавился от одержимости. Теперь катамаран еле-еле справлялся с течением, не в пример тому, как стремительно он блокировал выход из заводи. Планируй я бегство, курс против течения явился бы крайне неудачным вариантом. Проще было бы удирать в сторону фуэртэ Транквило. Я мог и сейчас пустить катамаран в том направлении, однако тогда пираты бросились бы в погоню на «Гольмстоке» и это не позволило бы мне использовать против них палубную артиллерию – топить ланчу. Иногда я не имел права. Двинув под парусами против течения с малой скоростью, я рассчитывал на то, что одержимые решат догнать убегающий «Рабиосо» по берегу. Тут-то и настает мой черед делать следующий ход в этой партии...

Пока одержимые не объявились, я проверил артиллерию и, к своему удовольствию, обнаружил в ящиках с боезапасом снаряды со шрапнелью. Перезарядив обе мортиры, я подобрал просохший «Экзекутор», заткнул за пояс трофейный револьвер, положил под руку карабин и притаился за мачтой. Выходить на позицию к оружию было рановато – ребята Либро глазастые; заметят на палубе Проповедника и уже не полезут в бой очертя голову. Тогда моя контратака утратит внезапность. А так пусть думают невесть что о сбежавшем «Рабиосо» – все равно об истинной причине его бегства пиратам не догадаться.

Неприятный сюрприз ожидал Либро и компанию: пока одно богатство шло шайке прямо в руки, другое, давно принадлежащее ей, вдруг исчезло. Поэтому томиться в ожидании мне пришлось недолго. Ребята Твердолобого быстро заметили пропажу «Рабиосо» и высыпали на берег, не успев еще катамаран отдалиться от заводи. Прибежали не все – я насчитал только семерых. Сам Либро с тремя пиратами остался у «Гольмстока», переложив проблему на плечи соратникам. Видимо, Твердолобый счел ее несущественной и решил не отвлекаться от исследования захваченной ланчи. Опрометчивое решение капитана флибустьеров в конечном итоге и упростило мне проповедь.

Дни Либро были сочтены в любом случае. Однако, не раздели Твердолобый силы, бегать бы ему на воле еще неделю-другую – задачку мне подбросили не на день работы, это точно. А так все утряслось за какие-то четверть часа, правда, ради этого пришлось изрядно попотеть. У меня было достаточно информации о Твердолобом, чтобы вычислить, каким «букетом заболеваний» страдают он и его шайка: нечеловеческие сила, быстрота и меткость, а также феноменальная живучесть, что позволяла одержимому вести бой даже будучи пронзенному насквозь или лишенному конечности. К живучести прилагалось ускоренное восстановление здоровья. Смертельные раны у таких одержимых затягивались буквально на глазах, что делало эту категорию приверженцев Дисбаланса практически неистребимыми.

Мне уже доводилось читать проповеди одержимым со сквозными дырами в головах, что не мешало этим скитальцам находиться в полном сознании и бранить меня на чем свет стоит. Раньше Арсению Белкину такое могло лишь присниться в кошмарах. В Терра Нубладо

подобные ужасы являлись пусть из ряда вон выходящей, но реальностью. Попадания ружейных пуль четвертого калибра казались для этих одержимых лишь крепкими кулачными ударами, и потому больше всего надежд я возлагал на шрапнель – для неистребимого она была равносильна удару уже не кулаком, а как минимум лошадиным копытом. Однако следовало помнить, что в запасе у меня всего два выстрела, произвести которые было необходимо один за другим – если пираты мгновенно сориентируются в обстановке и рассеются по берегу, пользы от шрапнели будет мало.

Преследователи бежали вслед за катамараном и выкрикивали имена товарищей, которые должны были оставаться на борту «Рабиосо». Я не высовывался, дожидаясь, пока семерка пиратов войдет в реку. Теперь им было сложно допрыгнуть до катамарана с берега – «Рабиосо» отнесло от него на порядочное расстояние.

Проклиная бесследно сгинувших канониров, пираты гурьбой ринулись в воду и поплыли на перехват собственного судна. Судя по угрожающим воплям, prošляпавшей катамаран парочке лучше было бы вообще не показываться приятелям на глаза.

Едва последний из семерки пустился вплавь, я покинул укрытие, подскочил к кормовой мортире, навел ее на группу пловцов и рванул спусковой рычаг...

Чем хороша корабельная артиллерия, так это своей недюжинной мощью. В отличие от своих сухопутных аналогов (за исключением громоздких осадных орудий), призванных выкашивать пехоту и конницу, корабельные мортиры прежде всего предназначались для разрушения деревянных судовых корпусов. Шквал шрапнели, который вмиг очистил бы палубу того же «Гольмстока» от такелажа и живой силы, накрыл барахтающихся в воде пиратов, будто пригоршня гальки – стайку водомерок. Шрапнель вздыбила воду и изрешетила плывущих первыми одержимых, поотрывав кое-кому их конечности, а одному даже снесла голову. Замыкающие команду пловцы от неожиданности прекратили грести и забарахтались на месте, чем только упростили мне наведение носового орудия, до которого я добежал, едва смолкло эхо первого выстрела.

Уцелевшие одержимые хотели кинуться врассыпную, но не успели выплыть из зоны поражения смертельного града, что повторно обрушился им на головы. Снова вода вскипела бурунами – так, словно на дне реки в этот момент проснулся вулкан...

Внушительными пушками разжился в свое время Либро; явно реквизирует их у диктаторских мерсенариев – простым негоциантам вряд ли кто-то продал бы такую артиллерию. Отведавшие шрапнели, искалеченные и оглушенные, пираты покачивались на волнах, окрашивая воду кровью. Было чертовски жаль, что враг разделил силы – зарядов двух мортир с лихвой хватило бы, чтобы утихомирить всю шайку Твердолобого, бросься она за мной в полном составе. Рассчитывать на пушки было уже нельзя. Везение не бесконечно, и теперь Либро не допустит ошибки, ринувшись в лобовую атаку на собственную батарею.

Я понятия не имел, сколько у меня в запасе времени до прибытия Твердолобого и остатков его банды. Однако было совершенно очевидно, что извлечь пострадавших из воды и прочесть им проповеди я не успею. Впрочем, двум пиратам проповедь была больше не нужна. Откровение не воскрешало безголовых, так что эту парочку следовало списывать в разряд неизбежных потерь. Отращать головы одержимые, к счастью, тоже еще не научились, а вот воевать без руки или ноги для них – явление привычное. Но пока пострадавшие пребывали в шоке, можно было оставить их в покое. Мне требовалось хорошенько подготовиться к встрече с целыми и невредимыми пиратами, а не отвлекаться на их собратьев, временно выведенных из строя.

Я возвратился на корму и вывернул штурвал в сторону берега. Катамаран навалился на правый корпус, после чего на всей скорости, что ему удалось набрать, вылетел на прибрежную отмель и зарылся в песок. Меня швырнуло грудью на штурвал, и только благодаря этому я устоял на ногах.

Плавание выдалось коротким, но захватывающим. За какие-то десять минут мне довелось побывать в ролях капитана, канонира, а если вспомнить, как я проник на борт, то и пирата тоже. Я с детства обожал читать Сабатини и Стивенсона и потому мог полагать, что в это утро воплотил в реальность некоторые свои детские фантазии.

Я планировал, что мне все-таки хватит времени перезарядить носовую мортиру, которая была нацелена на берег, однако скорое появление врага скомкало все планы. О перезарядке пришлось забыть – четверка одержимых приближалась чересчур резво. Гигант Либро угадывался издалека. Он рассредоточил пиратов по берегу, заставив их выстроиться в редкую дугообразную цепь. Правофланговый атакующий пробирался уже по кустам, левофланговый хлюпал сапогами по мелководью, а сам Твердолобый, направив фланги вперед, продвигался по центру. Флибустьеры отрезали мне пути к отходу, намереваясь не дать покинуть «Рабиосо».

Четверо одержимых на одного Проповедника – это уже не тринадцать, как перед началом игровой партии. Такой расклад был для меня привычным, и если кому следовало сейчас задуматься о бегстве, то точно не мне.

Бой на короткой дистанции – проксимо-бой, – помог мне снискать добрую половину моей жуткой славы. Квинт преувеличивал: я не имел права претендовать на титул «маэстро» в этом специфическом ремесле, потому что никогда ему не обучался. Как и Откровение, искусство стрельбы было привито мне с первой минуты загробной жизни, и это выглядело несправедливо по отношению к тем маэстро проксимо-боя, которые учились ему долгие годы. И хоть пока мне не доводилось тягаться с этими скитальцами в бою, кое-кого из них я изредка встречал. После чего воздавал хвалу Балансу, что эти крутые ребята не заставляли меня отстаивать титул, доставшийся мне по неизвестно какому праву.

Я прыгнул прямо в воду, благо глубины за бортом было всего по пояс. Обманные маневры и погони остались позади, пришла пора окончательно выяснить, на чьей стороне правда. Проповедник принимал условия игры, поскольку именно к такой расстановке фигур на поле он и стремился. И пусть Либро разыгрывал эффективную комбинацию, он был не первый, кто на моем веку использовал подобную тактику. Вогнать меня в смятение у Твердолобого не вышло при всем старании.

Пираты ничуть не удивились, опознав в противнике мою одиозную личность, а значит, они заранее догадались, кому хватило смелости бросить им вызов. Для кого-то этой догадки вполне хватало, чтобы отказаться от сумасбродных поступков и дать деру, но не для Твердолобого.

– Эй ты, кусок дерьма! – обратился ко мне Либро. Пираты сбавили темп, но продолжали выходить на позиции, держа меня на прицеле. Я выбрался из воды и теперь шел им навстречу, переложив штуцер на сгиб локтя и делая вид, что игнорирую врагов, подкрадывающихся с флангов. Мое поведение выглядело чересчур самоуверенным, но это была иллюзия – я прекрасно видел всех противников на берегу и не переставал следить за их действиями. – Да, ты, гребаный мудака этого гребаного мира! Говорят, тот, кто тебя прикончит, отхватит шикарный приз! Мы в курсе, что тебе, как и нам, плевать на гребаную Мертвую Тему, поэтому спрашиваю прямо: кто ты такой и чего добиваешься?

«Гребаный мудака» – давненько же я не слышал этого эпитета, ласкающего слух ностальгическими нотами! Но впадать в ностальгию я не собирался. Как и отвечать на вопросы Твердолобого. Однако Либро не унимался:

– Ты резидент «Терра» или всего лишь высокоразвитая кукла? Нет, вряд ли ты – кукла! За тобой явно стоит кто-то из ветеранов, нанятых «Терра»! Конечно, кто же еще это может быть! Сколько тебе заплатили, продажная тварь?

Опять эти обвинения в неизвестных грехах, которых я не совершал! Естественно, за службу мне платили, и неплохо, только кого я при этом продавал? Одержимых? Так ведь я никогда и не выступал на их стороне!

– Предатель! – продолжал неистовствовать Твердолобый. – Дай только узнать твое настоящее имя – я опозорю тебя перед всем миром!..

Одержимые ждали не дождались, когда я с ними заговорю. Хрестоматийный прием промышляющих гоп-стопом налетчиков против не слишком пугливых жертв: стоит только мне втянуться в разговор и рассредоточить внимание, как это тут же послужит ублюдкам сигналом к нападению. Либро старательно заговаривал мне зубы, я же пропускал его грозные речи мимо ушей, будучи уверенным, что, как только открою рот, сию же секунду стану трупом. Схватки уже не избежать, только она обязана начаться, когда я того захочу. Пока же я планомерно выдвигался на оптимальную дистанцию для проксимо-боя. Остроглазые пираты значительно превосходили меня в меткости, однако в настоящий момент они не пытались воспользоваться этим преимуществом – очевидно, опасались, что Проповедник на большом расстоянии легко увернется от их пуль.

Последующее произошло в течение всего двенадцати секунд, но примерно столько времени и продолжается проксимо-бой, когда мне удастся навязать противнику свой сценарий. Я отчетливо видел все свои цели, также хорошо рассмотрел, с каким оружием пираты собирались меня атаковать. Единственное, что мне требовалось для успешной реализации планов, – нанести удар первым.

Что я и сделал, когда взбешенный моим молчанием Либро разразился очередной тирадой. В этом и кроется суть победы в проксимо-бою: атака на опережение и подчинение врага своим правилам игры. Упуская инициативу, я терял все преимущество и изрядную долю шансов на успех...

Время пошло.

Один! Два!..

Не сводя с Твердолобого пристального взгляда, – абы капитан думал, что и впрямь заставил меня развесить уши, – я незаметно нацеливаю лежащий на сгибе локтя «Экзекутор» в правофлангового нападающего и делаю первый выстрел...

Еще одним бесценным талантом наградил меня загробный мир: гипертрофированным периферийным зрением. Стоило лишь мне переключить внимание на объект, который хотя бы чуть-чуть попадал мне в поле зрения, как панорама у меня перед глазами мгновенно преображалась. Видимый мир вытягивался вдаль, как резиновый, а все, что творилось у меня по бокам, становилось четким, словно находилось прямо передо мной. Клянусь, я даже мог при желании рассмотреть кончики собственных ушей! Угол обзора получался такой, словно у меня на висках прорезалась дополнительная пара глаз! Для полного счастья не хватало только глаз на затылке. Но и без них я мог различить, что творится у меня за спиной. Так что попробуй-ка незаметно подобраться к Проповеднику с фланга, когда он смотрит на мир под таким углом!

Разумеется, целиться при помощи периферийного зрения было крайне удобно. Не поворачивая головы и даже не покосившись, я влепил пулю прямо в голову ждущему сигнала к атаке одержимому. Пирата развернуло в воздухе и швырнуло в воду, где он и угомонился возле пораженных шрапнелью собратьев. Я успел заметить, что голова моей жертвы осталась на плечах, лишившись только макушки. Из этого следовало, что пират скорее всего будет жить. Но лишь до того, пока не получит Воздаяние. К сожалению, дать одержимому время на самоисцеление, отсрочив проповедь, я был не вправе.

Три!..

У «подковы» атакующего строя пиратов отломан один конец, но проксимо-бой только начинается. Либро и двое его подручных открывают по мне огонь прежде, чем их товарищ с попорченным черепом успевает плюхнуться в воду. Помповый дробовик и два мощных револьвера – такие калибры противостоят сегодня моему «Экзекутору».

Никакой суеты – все пока идет по сценарию. Момент первых вражеских выстрелов я вычисляю предельно точно. Я вижу три одновременные вспышки; грохот выстрелов настигнет меня через долю секунды. В течение этого мига я обязан уклониться от пуль...

Умение бить белку в глаз – бесспорное достоинство для любого стрелка. Однако в искусстве проксимо-боя у меткости есть оборотная сторона. Отличный стрелок предсказуем, поскольку траектория полета его пуль просчитывается с высокой вероятностью. Парадоксальное явление: мне приходилось больше опасаться дилетантов, чьи пули летели куда попало, чем маэстро стрельбы, который всегда бил наверняка – чаще всего в голову.

Никто из трех одержимых дилетантом в стрельбе не являлся, и куда в итоге угодят их пули, я прекрасно знал. Так что в момент попадания меня на том месте уже не было. Резкий поворот плеч, уклон корпусом и полшага в сторону – предельно рациональная техника, хотя исполнена не идеально – несколько дробинок все-таки впиваются мне в плечо...

И только теперь я слышу выстрелы...

Четыре! Пять!...

Враг перезаряжает оружие...

Разыгрывай мы партию в шахматы или калибрик, эта пауза называлась бы обдумыванием хода. В данный момент свой дальнейший ход обдумывал противник. Я же благодаря двустольному штуцеру мог проделывать по два хода подряд...

Отвлекусь на минуту и замечу, что искусство проксимо-боя только потому и зародилось в Терра Нубладо, что здесь слыхом не слыхивали об автоматическом оружии. Противостоял бы мне сейчас хотя бы один стрелок с пистолетом-пулеметом, и вся моя тактика свелась бы к банальному поиску укрытия. Оружие, требующее после каждого выстрела перезарядки либо простого взведения курка, придавало местным перестрелкам неторопливый темп и особый колорит. Бои на ближней дистанции превращались для хороших стрелков в захватывающую походовую игру, сочетающую лихость ковбойских дуэлей Дикого Запада и скоростную стратегию экспресс-шахмат. Появление такой игры в мире, где треть населения вела вольный образ жизни, а оружие носили все поголовно, не являлось чем-то из ряда вон выходящим. Кровавые стрелковые соревнования в скорости реакции, хладнокровии и тактической импровизации происходили повсеместно. Участвуя в проксимо-боях, как между собой, так и целыми альянсами, скитальцы-стрелки зарабатывали таким образом авторитет и проверяли свою истинную цену. Для большинства участников этих соревнований подобные проверки заканчивались плачевно.

Что же мешало оружейникам Терра Нубладо разработать хотя бы примитивную модель автоматического пистолета? В этом определенно были замешаны силы Баланса, стопорившие научно-технический прогресс не только в оружейной отрасли, но и везде. Однако обвинять их в косности было бы неправильно. Появление автоматического оружия ввергло бы туманный мир, и без того балансирующий на грани хаоса, в настоящий апокалипсис. Войны перешли бы на новый разрушительный уровень, человеческие жертвы стали бы исчисляться тысячами. О какой воинской чести велась бы тогда речь, если бы заполучивший пулемет тщедушный скиталец вроде Берси сумел положить за раз десяток таких матерых бойцов, как Квинт?

Мелкая, однако насколько значимая деталь – необходимость вручную взводить курок после каждого выстрела. Будто микроскопический камешек, подложенный под шаткую podporку местного миропорядка, который при каждой очередной смуте того и гляди норовил опрокинуться и разбиться вдребезги...

Одновременно выстрелив, троица одержимых приступает к перезарядке оружия, при этом каждый пират срывается с места и меняет диспозицию. Враги пытаются оставшимися силами восстановить прежний, наиболее выгодный им строй. Твердолобый и ближайший к нему приятель взводят собачки револьверов, левофланговый передергивает затвор помпового дробовика. Первые двое смещаются вправо, последний, наоборот – забирает левее и уже практически находится у меня за спиной...

Ты-то мне и нужен! Оборачиваться не обязательно – фокусирую периферийное зрение на противнике, после чего перебрасываю штуцер из левой руки в правую и выпускаю второй заряд.

Пуля попадает пирату в дробовик, вышибает тот у него из рук и рикошетом навывает простреливает шею. Почти идеальный выстрел – этот мерзавец выживет так или иначе, а от дырки у него в горле не останется и следа.

Теперь наступает мой черед «обдумывать ход». И обдумать его предстоит мгновенно – Либро с товарищем уже двигают фишки...

Шесть! Семь! Восемь!..

Теперь стрельба по мне будет вестись непрерывно. Два револьвера, десять оставшихся в них патронов, и каждая из пуль угодит точно в цель, запоздай я с уклонением. Маневр предстоит сложный, тем более что попутно мне придется перезаряжать штуцер. Трофейный револьвер за поясом я не трогаю: даже если повезет вогнать в каждого из пиратов по три пули, таким калибром одержимых не остановить. Только «Экзекутор», только жакан и никаких револьверов!

Пули летят с двух направлений... Не думать о пулях, не думать о боли – сконцентрироваться только на стрелках и бросить все силы на маневр уклонения!

Падаю на бок, в падении переламеняю «Экзекутор» и выхватывая из патронташа новую пару патронов. Эжектор штуцера выбрасывает стреляные гильзы. Рядом со мной вздымаются три фонтанчика, брызгающие в лицо колючим песком. Три вражеские пули уже точно не причинят мне вреда.

Перекат на спину, «Экзекутор» на груди, патроны – в патронник. Еще два фонтанчика, но уже ближе. Враг оказывается быстрее – это плохо, но не думать, не думать о плохом! Перекатываюсь на другой бок, защелкиваю патронник, взвожу курки. Одно дело сделано, другое – в процессе.

Два удара подряд: в плечо и руку. Теперь не думать о боли невозможно – она вгрызается в плоть десятками острых зубов и пытается парализовать не только тело, но и волю. Не удастся, не впервой! Рычу, стискиваю зубы, но завершаю перекат и вновь поворачиваюсь лицом к врагам. Темп их стрельбы ослаб, и если я все правильно рассчитал... Да, так и есть – Либро уже перезаряжает револьвер, а значит, его напарник, дабы не создавать паузы, будет расстреливать оставшиеся патроны, пока Твердолобый снова не откроет огонь.

Девять!

...И девятый выстрел! Пуля врезается в песок прямо у носа – едва успеваю моргнуть, чтобы не запорошило глаза. Либро торопливо, но аккуратно загоняет патроны в барабан. Сколько ему осталось, я, к сожалению, не вижу, зато знаю – приятель Твердолобого не делает последний выстрел, пока капитан не взведет курок – только так у пиратов получится вести непрерывный огонь. Дабы не заполучить десятую вражескую пулю прямо между глаз, я снова перекатываюсь и, как только опять оказываюсь лицом к врагам, стреляю Либро точно в грудь...

Десять!

Либро шатается и плюхается на задницу, однако револьвера не бросает. Непрошибаемый ублюдок! Обычного скитальца или оседлого отшвырнуло бы на несколько метров.

Временный выход из игры Либро образует на поле боя паритет – в револьвере оставшегося на ногах стрелка последний патрон, столько же аргументов у меня. Однако мой, как ни крути, намного весомей.

Все-таки одержимый оказывается проворнее. Онемевшее простреленное плечо вынуждает меня управляться с «Экзекутором» одной рукой, а эта игрушка потяжелее револьвера. Пиратская пуля угодила бы мне точно в грудь, останься я лежать на боку. Но мне удастся перевернуться на лопатки, и потому пуля лишь вскользь задевает меня по груди. На фоне уже терзающей меня боли новая не так ощутима, но рука дергается и прицел сбивается. Хорошо, что я не нажал на спусковой крючок, иначе заряд был бы потрачен впустую.

Одиннадцать!..

Револьвер одержимого пуст! Единственное спасение стрелка в быстром уклонении и перезарядке на ходу... Как я посчитал. Однако мой прогноз неверен: Либро хоть и в шоке, но ему хватает сил швырнуть приятелю свое заряженное оружие. Взведенный револьвер летит прямо в руки одержимому, которому остается лишь поймать его и нажать на спуск.

Двенадцать!..

Револьвер падает на песок, поскольку ловить оружие больше некому. Одержимого угодило поймать-таки не револьвер, а мою пулю. Желая помочь приятелю, Либро невольно отвлек его внимание и превратил в легкую мишень. Четвертый пират распластывается неподалеку от воды и дергается, как под электротоком, – пуля угодила ему точно в сердце, которое, впрочем, у одержимых тоже регенерируется достаточно быстро.

Двенадцать секунд... Нормальный результат, хотя бывало и лучше. В меня попали три раза – это очень плохо. Благо я лежал на земле, а иначе ранения выбили бы меня из боевого ритма и свели на нет всю тактику передвижений.

Однако рановато пока подводить итоги. Отбросив разряженный штуцер, вскакиваю с песка и выхватываю из-за пояса трофейный револьвер, затем подбираю тот, что принадлежал Либро, и бегу к нему – гигант уже пытается встать на ноги.

Четыре пули в сердце убили в нем такое желание, не убив самого. Теперь Твердолобый созрел для проповеди – активно сопротивляться в ближайшие пять-шесть минут он не сможет.

Я оглядываюсь: кому еще необходима дополнительная инъекция успокоительного? Одержимый с простреленной шеей ползет в кусты, извиваясь как ящерица. Хитер уклонист! Держи-ка парочку свинцовых пилюль – они помогут тебе смиренно дожидаться своей очереди.

Кто следующий?

Ошарашенные шрапнелью и медленно уносимые прибрежным течением, пираты покачиваются на волнах, словно оглушенная рыба. Придется самому вылавливать их и вытаскивать на берег. Пират с отстреленной макушкой прибил к ним и тоже не трепыхается. А вот последняя моя жертва – та, которой я в прямом смысле разбил сердце, – хоть и не давала пока повода для беспокойства, выглядела как-то подозрительно. Поэтому и получила для острстки «подкожно» весь остаток револьверного барабана...

Вот так улов, присвистнул я, окидывая поле отгремевшей баталии усталым взглядом. Прямо как в старые добрые времена, когда я только начинал службу. Но на сегодня игры закончились. Теперь предстояла сплошная рутина, пусть скучная, зато не такая суетливая.

«Воздаяние номер четыреста сорок пять открыто!»... Закончится ли когда-нибудь этот список? А если закончится, где гарантия, что вместо него мне не подкинут другой? Возможно, у Баланса и имеется на это ответ, но вряд ли я его когда-либо узнаю...

Глава третья

– Я не помешал тебе, Патрик?

– Ну что вы, профессор! Конечно же, нет, входите! Что-то рановато вы сегодня.

– Рановато?! Да ведь уже почти восемь утра! Я даже немного припоздал, так как обычно прихожу на полчаса раньше. Что с тобой, Патрик? У тебя нездоровый вид. Похоже, ты работал ночь напролет. Вот что тебе скажет профессор Эберт: езжай-ка домой и хорошенько отоспись. Никаких экспериментов на сегодня не предвидится: Джесси по горло в работе и отвлекать его сейчас нецелесообразно. Как только он освободится, я с тобой сразу же свяжусь и мы отправим его прогуляться по Терра Олимпия... Так чем ты тут ночью занимался, Патрик?.. Что вздыхаешь? Случилось что-нибудь неприятное?

– Да нет, профессор, в Терра Нубладо все в норме и Джесси тоже вроде бы в порядке. Правда, с часу двадцати двух до часу тридцати шести датчики фиксировали у подопытного сильный эмоциональный всплеск, но теперь диаграмма вернулась к прежним показателям. Вот, можете убедиться.

– Очевидно, всплеск был связан с активностью Джесси в процессе работы. Я проверю отчеты дежурной смены у себя в кабинете. Так ты не ответил, что тебя беспокоит, мой друг.

– Моя дочь, профессор... Вы ведь знаете, что она больна, не так ли?

– Разумеется, Патрик, разумеется... Яв курсе, что твоя малышка Анабель страдает врожденной патологией Госса и не может говорить. Это очень страшный недуг. Я всем сердцем хотел бы ей помочь, но сам понимаешь... Есть болезни, перед которыми даже у современной медицины опускаются руки. Сочувствую тебе, мой друг. Извини глупого старика, что надоедал тебе своими расспросами.

– Сейчас самочувствие Бель более-менее стабильное. Мистер Адамс поспособствовал нам попасть в клинику самого академика Госса. Там Бель здорово помогли и полностью излечили ее от осложнений после прошлогоднего приступа. Теперь мы состоим в клинике Госса на учете и регулярно проходим обследования.

– Я знаю Альберта Госса. Мы вместе учились в Аахене, правда, на разных факультетах. Госс – талантливый врач, и это замечательно, что твоя дочь попала на лечение именно к нему.

– Я в неоплатном долгу перед мистером Адамсом за это... Но сегодня дело не в болезни Анабель, профессор. Точнее, не только в ее болезни. Не мне вам объяснять, что доставляет страдания больным патологией Госса. Когда Анабель была еще ребенком, мне показалось, что я нашел для нее наилучшее лекарство – разрешил ей посещать Терра Куэнто. Вы ведь не забыли Терра Куэнто, профессор? Это был наш первый мир, во многом несовершенный, полный парадоксов, а то и вовсе откровенных несуразностей. Но когда Бель уходила в него, она забывала обо всем на свете. В том мире для нее не было ни боли, ни страданий. Потом на смену Терра Куэнто пришел Терра Нубладо. Я так боялся, что дочери не понравится в этом мрачном мире. Слишком не похож он был на красочный Куэнто, слишком жестокие там царили порядки. Но я ошибся. Несмотря на мои опасения, Бель полюбила Терра Нубладо. Сегодня она живет в нем практически постоянно. Иногда мне приходится самому уходить в туманный мир только ради того, чтобы повидаться с дочерью. И вот три дня назад Бель там пропала. Я искал ее сегодня всю ночь, но так и не смог найти. Я сильно беспокоюсь, как бы у Анабель не случился очередной приступ, который и помешал ей вернуться.

– Такое уже происходило?

– В том-то и дело, что нет. Если раньше Анабель чувствовала первые симптомы болезни, то всегда возвращалась. Но вы же знаете, как в действительности коварна

патология Госса. Больные могут чувствовать приближение приступов задолго, но рецидив может случиться и совершенно внезапно. Если это произошло... не знаю, что и думать.

– Ты использовал все наши ресурсы для поиска?

– Безусловно, профессор. Парни из ночной смены перерыли для меня все уголки Терра Нубладо. Следы Анабель обрываются с концами в одной из северо-восточных провинций туманного мира.

– И никаких зацепок?

– Абсолютно никаких. Я даже искал Бель в Терра Олимпия, но тоже безрезультатно.

– Очень странно, мой друг. Однако вряд ли тебе следует винить в этой неприятности патологию Госса. Лично я не вижу здесь никакой связи. Вэтом кроется что-то другое. Мой тебе совет: попробуй подключить к розыску Джесси, как только он освободится. Придумай для него красивую сказку, как делал это прежде, и отправь на поиски. Ручаюсь: эта ищейка в лепешку расшибется, но найдет твою девочку.

– Нет, профессор, кто угодно, только не Джесси! Если он отыщет мою дочь, будет только хуже.

– Почему?.. Постой-ка, Патрик, я, кажется, догадался: Анабель, она... как бы это выразиться...

– Я понял, что вы хотите сказать, профессор. Да, Бель пользуется в Терра Нубладо нашим иммунитетом. Яне берусь прогнозировать реакцию Джесси, если при встрече с Анабель он вдруг учует в ней признаки одержимости. Хоть наш исполнитель и подчиняется приказам, но кто знает, что взбредет в его голову завтра. Авдрус он поведет себя в отношении Бель как акула, почуявшая кровь? Мою дочь Откровение просто убьет, ведь она живет в Терра Нубладо едва ли не с первого дня существования этого мира. Когда порой случалось, что Джесси слишком близко подбирался к Бель, я всегда перенаправлял его в другую провинцию. Так спокойнее.

– Что ж, Патрик, как тебе будет угодно... И все-таки отправляйся домой, отдохни. Я накажу дневной смене, чтобы они продолжили поиски. Уверен, к вечеру все образуется и Анабель непременно отыщется.

– Благодарю вас, профессор. Пожалуй, как вы сказали, так я и поступлю. Удачного вам дня.

– До завтра, мой друг. Не переживай: в Терра Нубладо люди не пропадают. Это тебе не наша трижды проклятая действительность...

– Он был без головы? – переспросил охранявший городские ворота мерсенарий и посмотрел на меня, как на идиота. – Приятель, да ты никак амарго перебрал!

И расхохотался в голос.

– У скитальца, которого я ищу, отсутствует верхушка черепа, – невозмутимо уточнил я. – Он до сих пор жив, поскольку одержим Величием. По моим сведениям, он направился к вам, в фуэртэ Транквило.

– Уж не тебе ли удалось снести одержимому макушку? – продолжая смеяться, полюбопытствовал мерсенарий. Он хотел добавить еще что-то, но выглянувший из караульного помещения напарник оборвал зубоскала на полуслове:

– Умолкни, Пако! Не с твоим хилым авторитетом смеяться над незнакомцами! – После чего обратился ко мне: – Не сердитесь на него, респетадо Проповедник. Пако еще молод и глуп: сначала говорит, потом думает, и хорошо, если вообще думает... А вы уверены, что одержимый побежал именно в фуэртэ Транквило, а не куда-то еще?

– Человека, у которого из-под шляпы текла кровь, заметили оседлые, живущие вдоль этого тракта, – подтвердил я. – Судя по всему, он направлялся к вам.

– Ничем не можем помочь, респетадо, – развел руками почтительный мерсенарий. – Мимо нас этот скиталец не пробегал. Вероятно, ваш одержимый передумал и отправился другой дорогой.

– Это вряд ли. Я знаю, зачем одержимый рвется в город, и уверен, что негодяй уже здесь.

– Разве только он пришел утром, в толпе бродячих негоциантов, – предположил стражник. – У фуэртэ Транквило сегодня мирный статус, поэтому пропускной режим мягкий. Не буду спорить, возможно, вы и правы. Проходите, респетадо Проповедник. Добро пожаловать в лучший город Терра Нубладо! – И честно предупредил: – Но я вынужден доложить о вашем прибытии диктатору Фило.

– Докладывайте, раз должны, – бросил я на прощание и зашагал к воротам...

Респетадо Проповедник допустил прокол в работе, и все потому, что ему давненько не приходилось заниматься массовыми проповедями. Неудивительно, что со временем я слегка подрастерял форму. Пока я вытаскивал из воды и собирал по берегу невменяемую паству, мерзавец с попорченным черепом пришел в себя и улизнул, очевидно, нырнув и уплыв вниз по течению. Бросать все стадо ради одной отбившейся овцы я, разумеется, не стал, однако отпускать беглеца восвояси не собирался. Такая черепно-мозговая травма не излечится у одержимого быстро, даже при ускоренной регенерации его тканей, и разыскать человека со столь броской приметой было вопросом двух-трех дней.

Это знал и одержимый. Поэтому он и бежал в фуэртэ Транквило, будучи уверенным, что в любом случае я настигну его до того, как он зализет раны. А раны у пирата были такие, с какими он мог жить лишь в состоянии одержимости. Иначе – мгновенная смерть.

Одержимый бежал к лекарю-травнику, представителю единственного в Терра Нубладо вида медицины, в надежде, что лекарь сумеет предельно ускорить процесс исцеления. Одержимый молил сейчас всех своих высших покровителей, чтобы они под любым предлогом задержали Проповедника в пути и дали костям страдальца срастись. А после будь что будет – хоть на проповедь, хоть продолжать творить бесчинства. Главное – полностью выздоровевшим.

Десять бывших собратьев удравшего пирата приняли Воздаяние кому как посчастливилось. Кто-то успел залечить раны, дожидаясь своей проповеди, кто-то выслушал Откровение и сразу же скончался от потери крови. Обязав Инода захоронить умерших – единственное одолжение, которое я оказал бывшим врагам, – я поблагодарил капитана «Гольмстока» за помощь и не мешкая направился в фуэртэ Транквило. Мне требовалось попасть туда в любом случае: не схвачу беглеца у лекаря, так подлатаю простреленное плечо. О Кассандре Болтливый Язык я пока не думал – следовало исправить за собой все недоделки, а потом отвлекаться на личные надобности.

Инод заявил, что за такое щедрое вознаграждение, как трофейный катамаран и изрядно выросший авторитет, он готов целый год служить мне вместе с экипажем в качестве похоронной команды. А вот выполнить мою просьбу и взять на службу бывших пиратов, ныне кротких, словно агнцы, капитан «Гольмстока» отказался наотрез. Мало того, я предчувствовал, что стоит мне уйти, как негоцианты тут же припомнят развенчанному «королю реки» старые обиды и заживо захоронят Либро рядом с мертвыми. Но Твердолобый сам догадывался, что случится, задержись он в компании торговцев, и потому вместе с приятелями унес ноги задолго до того, как я перевязал свои раны, собрал вещи и отправился на юг...

Фуэртэ Транквило... Центр заурядной провинции: узкие кривые улочки, неизменно сходящиеся к центральной и единственной площади. Вокруг нее селились скитальцы, приближенные ко двору местного диктатора Фило – правителя, чья известность была столь же заурядной, как и его владения. В бытность свою скитальцем Фило был дерзок и амбициозен, что и позволило ему выбиться в лидеры, обрести массу сподвижников и достичь нынешнего

высокого статуса. Однако, став диктатором, Фило повел исключительно мирную политику. Он не нападал на соседей, наоборот, проявлял редкостное для диктаторов гостеприимство и всячески демонстрировал широту души. Фило, видимо, полагал, что достиг в Терра Нубладо всего, о чем мечтал, и потому не лез выше.

Впрочем, прославившиеся на всю округу развеселые пиры и грандиозные охоты, что устраивал здешний диктатор, вовсе не означали, что обожавшие запах пороха мерсенарии не шли к нему на службу. К Фило в основном нанимались те, кто решил взять себе краткосрочный отпуск от военных кампаний и походной жизни. И пусть служба для здешних мерсенариев больше походила на праздник, нельзя сказать, что они несли ее спустя рукава. Об авторитете и профессионализме армии Фило говорил тот факт, что за время его мирного правления ни один захватчик не рискнул приблизиться к границам провинции Транквило. Разыскивая лекаря, я успел столкнуться на улицах и с мерсенариями-скитальцами, и с оседлыми рекрутами. Выправка и тех и других производила впечатление. Наверняка девизом, начертанным на гербе диктатора Фило, был канонический «Хочешь мира – готовься к войне».

Если ты видел хотя бы один из городов туманного мира, можешь считать, что повидал большую их часть. Хаотическое нагромождение окраинных построек при приближении к центру постепенно упорядочивалось, их размеры увеличивались, а архитектура улучшалась. Так что выйдя на центральную площадь, ты, можно сказать, попадал в совершенно иной город, совсем не тот, что ты увидел, шагнув в городские ворота.

Фуэртэ Транквило встретил меня, как и прочие города – грязью и недоверием. Однако как только я углубился в город, он словно распознал-таки, что я не враг, и сменил грязь на прибранные мостовые, а недоверие – на терпимость. Горожане уже не смотрели на Проповедника как на незваного гостя, просто смеривали равнодушными взглядами и через минуту благополучно о нем забывали.

По опыту я знал, что искать жилище лекаря следует где-то на полпути к престижным кварталам. Именно в таких местах предпочитали селиться эскулапы, дабы жить поблизости и от окраин, и от центра. В Терра Нубладо лекари не делились на народных и элитных, что было для всех несомненным плюсом: чернь лечилась теми же лекарствами, что и знать, а ей не приходилось переплачивать за свое лечение слишком много. Однако здешних целителей все равно нельзя было загонять под общую мерку, хотя бы из-за их крайне малого количества на душу населения. Поэтому травников ценили все – от последних голодранцев до диктаторов – и относились к ним с почтением.

Медицина в туманном мире являлась достаточно узкоспециализированной наукой. И все потому, что, кроме всевозможных ранений и травм, прочие типы заболеваний в Терра Нубладо можно было пересчитать по пальцам: алкоголизм, нервные расстройства, всяческие отравления да парочка венерических инфекций. Одержимость Величием в этом списке, естественно, отсутствовала – особый случай. Не слыхивали тут и о заражении крови – распространенном недуге в любом мире, где не прекращаются вооруженные конфликты. Старики, которые обязаны составлять львиную долю пациентов любого врача, встречались только среди оседлых (дожившие до глубокой старости скитальцы мне пока не попадались), но болели они теми же болезнями, что и молодежь. Исключая разве что старческий маразм, но с этой хворобой к лекарям уже не обращались.

Оседлые лекари-травники – а иных лекарей здесь попросту не существовало – всю свою жизнь занимались практически одними травмами, ожогами и проникающими ранениями. Никаких хирургических операций, кроме наложения шин при переломах, – сплошная фитотерапия. Даже пули и осколки извлекались из тела посредством особых вытягивающих и растворяющих составов. Чудеса, да и только!

Из трав лекари изготавливали отвары, мази, порошки и другие чудодейственные терапевтические средства. С их помощью человек поднимался на ноги даже после, казалось бы, смертельных ранений. Не иначе, лекарственные травы Терра Нубладо обладали не просто целебными, но и магическими свойствами. И я бы ничуть не удивился, отыщись в гербарии травников специальная трава не только для быстрого заращивания костей черепа, но и для восстановления тканей головного мозга.

Вряд ли в таком заштатном городишке, как фуэртэ Транквило, практиковало более одного лекаря – даже в столице их проживало всего четверо. Эскулапам не было резона расширять свой штат в мире со столь невосприимчивым к болезням населением. Как у Высоцкого: «А где на всех зубов найти? Значит – безработица!» Искусство врачевания давно перешло здесь в разряд консервативных – новых недугов не появлялось, а старые были досконально изучены. Авиценна умер бы в Терра Нубладо от тоски.

Из расспросов горожан удалось выяснить не только адрес лекаря, но и его личность. Местным травником являлась женщина по имени Анна, которая, ко всему прочему, была вхожа в городское высшее общество. Последний факт меня заинтересовал. Обычно лекари держались особняком и в светских мероприятиях не участвовали. Окружение диктаторов – бывших скитальцев – сплошь состояло из им подобных, и оседлые в этот круг не приглашались. Если лекарь Анна была скиталицей, значит, она являла собой такую же неординарную личность, как и трактирщик «Посоха пилигрима» Марио.

Прямо-таки притягивает меня в последнее время ко всяким неординарным личностям! Вот и Кассандра Болтливый Язык где-то неподалеку околачивается. Непременно разыщу ее, когда разберусь с делами, надеюсь, за пару дней прорицательница не убежит далеко от фуэртэ Транквило.

Дом Анны я нашел ближе к вечеру, но еще раньше меня самого отыскивали диктаторские соглядатаи. Видимо, Фило серьезно отнесся к докладу привратника, и уже через час я обнаружил за собой слежку. Впрочем, это могли быть и обычные грабители, пасущие захожего гостя. Но, полагаясь на собственное чутье, я решил, что соглядатаи все-таки посланы из дворца.

Выявить слежку оказалось довольно просто: среди равнодушных физиономий оседлых горожан заинтересованные лица двух шпионов выделялись, как лица живых людей на фоне портретов. Похоже, в отличие от армии, секретная служба у Фило состояла из дилетантов, поскольку агенты нарушали все мыслимые правила слежки. Сogлядатаи не «передавали» меня друг другу как эстафетную палочку, а просто плелись следом, держа строгую дистанцию и практически не таясь. Так и хотелось погрозить нерадивым шпионам пальцем и с позором отправить их назад во дворец.

При моем периферийном зрении не было нужды оборачиваться, чтобы засечь «хвост», однако из любопытства я все же разок обернулся. Едва я посмотрел назад, как моих сопровождающих тоже вмиг охватило любопытство: первый живо заинтересовался экспонатами в витрине оружейной лавки, второй подскочил к лотку торговца фруктами и завел с ним беседу. Но стоило только мне продолжить путь, и парочка тут же охладела к оружию и фруктам, снова переключив внимание на меня.

Довольно странное любопытство. Ничего экстраординарного в моем появлении не было, и нарушать здешние порядки я не собирался. Скорее всего, Фило боялся не Проповедника, а разыскиваемого им одержимого. Опасался бы меня, привратник умолчал бы о том, что диктатора поставят в известность о моем визите. Хотя не исключено, что я подозреваюсь в шпионаже на кого-нибудь из соседей Фило. Правда, ранее подобные обвинения в мой адрес не выдвигались.

Возле дома Анны прямо на тротуаре сидели два молодых горожанина, судя по потрепанному виду обоих, не так давно побывавших в крутой переделке. Каждому из них изрядно

досталось на орехи: разодранная окровавленная одежда, перебинтованные ее обрывками руки и ноги, изрезанные лица; у пострадавшего, который выглядел совсем плохо, было пере-вязано горло. Оба принадлежали к скитальцам – я давно научился отличать эту публику от оседлых по живым выразительным взглядам. Похоже, Анны не было дома – сомнительно, чтобы лекарь оставил пациентов на улице.

– ...Авторитет ему поднять захотелось! – возмущался менее пострадавший скиталец, обращаясь к собрату по несчастью. – Ты хоть успел понять, против кого мы с тобой клинки обнажили?.. – Второй раненый не ответил, поскольку от потери крови находился в полуобморочном состоянии. Но товарищ продолжал разговаривать с ним как ни в чем не бывало: – Теперь доволен? Будешь знать, как бросать вызов маэстро фехтования!.. «Давай, Броуди, пощупаем этого ублюдка! Ишь ты, хламиду нацепил, наверное, драгоценности под ней прячет!..» Твои слова, Зальц? Твои, не отпирайся!..

Зальц и не отпирался. В его состоянии требовалось уже не спорить, а молить Баланс дать шанс дожить до прихода лекаря.

– Ну и кто кого в конце концов пощупал? – продолжал ворчать Броуди. – Проклятье, надо было еще полгода назад разорвать с тобой соглашение! И не пришлось бы тогда перед всем миром позориться! Оружие потеряли, сами едва ноги унесли!.. Вот взял бы да сам тебя прикончил, урода... Эй, Зальц, чего примолк? Ты живой? Не вздумай умирать – ты мне еще тысячу монет должен!..

Зальц с трудом разлепил веки и еле слышно прохрипел что-то похожее на ругательство. Мысли его были сейчас заняты явно не долговыми обязательствами.

– Неудачный день, респетадос? – приблизившись к страдальцам, вежливо полубопытствовал я.

– Проваливай, тонто! – огрызнулся Броуди. Грубо, но в его состоянии простительно. Хотя другой скиталец на моем месте не проявил бы великодушие и закрепил для этой парочки урок, который она плохо усвоила при покушении на маэстро фехтования. – Если хочешь заштопать свою дырявую шкуру, приходи завтра. Анна сегодня на всю ночь наша!

И уныло осклабился собственной шутке.

– А где она? – спросил я.

– Да кто ее знает! Полдня уже где-то шляется! – раздраженно бросил Броуди, морщась от боли в истерзанном вражеским клинком теле. – Может, выхаживает кого, а может, Фило во дворце ублажает. Придет, куда она денется... Но ты учти: полезешь без очереди, кишки выпустим без разговоров. Не смотри, что мы малость порезанные – это так, мелкое недоразумение, пара лишних шрамов на память... Я всю жизнь в дуэлях провел и еще не одному болвану уши обстригу...

– Нет проблем, респетадос, – пожал я плечами. – Верю на слово. И часто Анна в таких отлучках бывает?

– Вообще-то, впервые с ней такое, – признался Броуди, польщенный моей учтивостью. – На два, на три часа иногда уходит, но в основном дома практикует. Что ни говори, а лекарь она отменный.

Идти проверить, действительно Анна отсутствует или нет, смысла не было. Истекающие кровью неудачники-дуэлянты наверняка уже отбили о дверь этого дома все кулаки. Я оставил скитальцев в покое и направился дальше по улице, но дойдя до первого же проулка, свернул в него. Строения в этом квартале фуэртэ Транквило стояли впритык друг к другу и имели общие задворки. Попасть на них не заходя в дома можно было только через подобные узкие проулки. Запомнив, каким по счету в ряду зданий идет дом лекаря, я миновал несколько одинаковых, как вспаханные поля, задних дворики и уже через минуту находился у черного хода особняка Анны.

Поднявшись на крыльцо, я подергал дверь за ручку: заперто. Не став стучать и в этот раз, я извлек из ножен свой короткий тесак – универсальный инструмент для всего на свете, в том числе и для взлома не слишком крепких дверей, – а затем огляделся по сторонам и, не обнаружив свидетелей, принялся ломать замок. Раз дома никого нет, то и бояться нечего, но, если лекарь прячется даже от нуждающихся в срочной помощи пациентов, неизвестно, кого сейчас должна сильнее мучить совесть – Проповедника или Анну.

Меня спасла старая грабительская привычка – ломать замки, стоя в целях безопасности сбоку от дверного проема; Арсению Белкину приходилось хаживать на дело, зная, что будущие жертвы подготовлены к визиту недоброжелателя. Не успел я еще вклинить лезвие тесака в дверную щель, как за дверью грохнул выстрел и в ней, на уровне моей головы, образовалась дыра размером тоже примерно с голову. Щепки картечью вылетели из пролома, а оконное стекло в доме напротив зазвенело, разбитое прошившим дверь навывлет зарядом крупной дроби. Что ж, каков гость, таково и гостеприимство; на иное с моими манерами рассчитывать не приходилось.

Однако раздавшийся за дверью отвратительный булькающий голос принадлежал явно не Анне.

– Только сунь сюда нос, Проповедник, и я сверну ей шею! – пригрозил голос, хозяин которого, очевидно, высмотрел меня сквозь щели в занавесках еще у парадного входа. – Понял или нет? Я тебя спрашиваю!

Я не отвечал; вернув тесак в ножны, извлек из-под плаща «Экзекутор», а затем резким движением заглянул в пролом и столь же быстро отпрянул назад, к стене.

Увиденного за секунду вполне хватило, чтобы оценить ситуацию. Анна находилась дома, но отказывалась принимать больных не по своей прихоти. Улизнувший от проповеди одержимый – с такими особыми приметами его и в полумраке опознаешь – опередил меня и появился здесь, как и предсказывалось. Пират захватил Анну в заложники и, вероятно, намеревался уединиться с ней до тех пор, пока у него не зарубцется рана на черепе. В данный момент почуявший угрозу пират держал заложницу за шею, а в другой руке у него был помповый дробовик, вероятно, реквизированный у хозяйки. Только в сложившемся положении это грозное оружие обладало одним крупным недостатком. Впрочем, одержимый уже сам об этом догадался.

– Перезаряди! – рывкнул он на Анну, продолжая удерживать на прицеле дверь. – Быстрее, сука!

Женщина подчинилась. Перезаряжающий механизм дробовика клацнул, и мне пришлось оставить намерение ворваться в дом – не хотелось из-за спешки лишиться головы. Угрозой свернуть заложнице шею меня было не остановить. Повторное бегство одержимого могло повлечь за собой не один десяток свернутых шей. Плохо только, что город останется без лекаря, но в мире, где правит Баланс, такие социальные перекосы исправлялись быстро – у многих травников имелись талантливые ученики.

– Идиот! Забирай оружие и беги, пока цел! – гневно прошипела Анна. Она, наверное, была наслышана о моей беспринципности при отлове строптивой «паствы». – Беги и не останавливайся! Когда же вы, недоумки, наконец поймете, что время ваших безмозглых развлечений давно прошло!

Или одержимому почудилось, что я пошел на штурм, или у него просто дрогнул на спусковом крючке палец, но второй выстрел, напрочь снесший верхнюю часть двери, грянул совершенно беспричинно. Он-то и стал для меня командой к атаке. Я сшиб ногой оставшийся дверной обломок и ворвался в дом со штуцером на изготовку. Во мне еще теплилась надежда на то, что я успею предотвратить трагедию.

Одержимый и заложница уже не маячили возле выхода. Звуки возни раздавались из-за угла коридора. Пират, кажется, решил последовать совету лекаря и тащил ее к парадному

входу, намереваясь прятаться за живым щитом, пока не доберется до двери. Одержимый и стрелял лишь затем, чтобы припугнуть меня и отыграть несколько секунд.

– Дергай, сука! – вновь потребовал он от Анны оказать ему услугу. Не знай я, чем они там в действительности занимаются, мог бы вообразить какую-нибудь скабрёзность.

Я скинул плащ, после чего бросился на пол и, скользя на сминаемом в гармошку поло-вике, выкатился в коридор следом за отступающей парочкой. Прямо перед моим носом упала стреляная гильза – Анна только что снова перезарядила своему пленителю оружие.

Что ни говори, удобно с таким неполноценным черепом прикрываться заложником. Макушка пирата, которая должна была высываться из-за головы женщины, могла бы стать подходящей мишенью для меткого стрелка, но отсутствие у одержимого куска черепа уравнило в росте похитителя и заложницу. Бесспорно, за истекшие сутки голова одержимого слегка увеличилась, однако до обретения прежней формы ей было необходимо «дозреть» еще как минимум три дня.

Я не собирался повторно калечить ублюдку голову. Благодаря вышеописанному маневру, я очутился перед пиратом в неожиданной позиции для стрельбы – лежа на боку. Выкатись я в коридор мгновением раньше, успел бы и вовсе, извиняюсь, заглянуть Анне под юбку. Дробовик одержимого искал цель гораздо выше.

При моем внезапном появлении женщина испуганно взвизгнула, будто узрела на полу не меня, а мерзкую крысу. Этот естественный женский испуг оказался очень своевременным. Повиснув на руке одержимого и поджав ноги, Анна невольно открыла мне... нет, не то, что скрывалось у нее под юбками, а лодыжки своего похитителя – в моем положении самые удобные цели...

Пуля четвертого калибра – это звучит убедительно и в моем родном мире, и в Терра Нубладо. Перед сногшибательным «очарованием» этой свинцовой малышки невозможно устоять в прямом смысле слова. А тем более устоять, когда каждую из твоих лодыжек целует такая красавица. Я выстрелил по ногам одержимого из обоих стволов поочередно. Пират взвыл и замахал руками, пытаясь удержать равновесие на подрубленных конечностях. Однако сделать это было для него уже физически невозможно, а повисшая у него на руке Анна лишь ускорила падение обезноженного врага. Запоздало выпущенная им третья пуля ушла в потолок, а угроза свернуть заложнице шею так и осталась лишь на словах.

Едва Анна и придавленный ею пират рухнули на пол, я без промедления ухватил ее за лодыжку и рванул на себя, вырывая хозяйку из лап похитителя. Перепуганная женщина опять завизжала и начала брыкаться, чем только ускорила собственное освобождение. Удерживать ее было нелегко, но я все же успел оттащить заложницу подальше от корчившегося врага.

Одержимый безумно вращал глазами, яростно рычал, брызгал слюной и заливал пол кровью из грубо ампутированных ног. Кровь брызгала и на стены: пират в ярости дрыгал конечностями, желая вскочить и кинуться в драку. А может, убежать. К сожалению для него, он свое уже отбегал. Но даже сейчас пират не орал и не впадал в шок – одержимость Величием продолжала подавлять его нечеловеческую боль. Жажда жизни подстегивала одержимого. Сбравшись с силами, он вскочил на четвереньки и пополз к двери. Не сомневаюсь, что адепт Дисбаланса добрался бы в таком состоянии даже до моря Встречного Ветра, только я не позволил пирату пересечь порог этого дома.

Одержимый сопротивлялся, но после всего случившегося разве это было сопротивление? Обычное трепыхание рыбины, брошенной на разделочный стол...

«Откровение четыреста пятьдесят пять открыто!» – последние слова, которые расслышал одержимый, прежде чем его тело свела судорога, а дыхание перехватило. Когда же оно вновь пришло в норму, принявший Воздаяние пират сделал лишь десяток вдохов. На большее у пирата не хватило сил, которые улетучились из него, словно воздух из пробитой на

выстрел шины. Взгляд бывшего одержимого потух и остекленел, а последняя вялая судорога прекратилась.

– И это все? – раздался у меня за спиной дрожащий голос Анны. Пока я читал проповедь, она приходила в себя, сидя на полу и с опаской наблюдая за моими действиями.

– Что – все? – не оборачиваясь, переспросил я, массируя виски – это помогало восстановить душевное равновесие после проповеди. Вроде бы привычное занятие – утихомиривать мятежные души, – но возбуждение после него всегда будоражило кровь, как в первый раз. Только, в отличие от секса, удовольствия в том возбуждении не было в помине. Наоборот, в последнее время я все чаще боялся, что после такой нервной перегрузки меня долго, если вообще не окончательно, не потянет к женщинам.

– Твой ритуал... – уточнила Анна. Ее продолжало трясти, но она старалась держать себя в руках и ей это, надо признать, удавалось. – Откровение, или как его... Я полагала, что изгнание одержимости происходит иначе. Драматичнее, что ли. Ведь это не какой-нибудь обыденный обряд, вроде похорон, а настоящее мистическое таинство – такая редкость для нашего мира.

– О каком драматизме ты толкуешь? – буркнул я, оставляя тело одержимого в покое и поднимаясь с колен. – Мне что, надо было петь ему обрядные песни и устраивать вокруг него ритуальный танец, воздавая хвалу Балансу?

Только теперь я обернулся и посмотрел на Анну...

Женщины Терра Нубладо безусловно заслуживают того, чтобы посвятить им не несколько скупых строк, а целую книгу. Если бы от меня потребовали полюбить этот проклятый мир в обязательном порядке, я полюбил бы его только из-за женщин. К ним силы Баланса проявляли просто безграничное великодушие. Эталонной красотой местных женщин Баланс словно уравновешивал ту чашу весов, которую тянули вниз угрюмость ландшафтов, осточертевший туман и порядки, плохо способствующие мирному существованию. Весомый получался противовес. Даже такой обиженный на всех и вся бродяга, как я, начинал радоваться жизни, когда оказывался в компании представительниц прекрасного пола. В большей степени это касалось очаровательных скиталиц.

Выделять в их описании такие черты, как красота, грация и обаяние, было излишне. Каждая из скиталиц олицетворяла собой если не воплощение всех вышеперечисленных качеств, то близкий к идеалу образец. Причем неважно, сколько образцу было лет. Вольному образу жизни все возрасты покорны – это правило распространялось и на женскую половину местного населения. И хрупкие девушки, едва вышедшие из подросткового возраста, и зрелые женщины, в чьих волосах уже проглядывалась седина, скитались по миру наравне с мужчинами и требовали к себе не меньшего уважения. Кто отказывался считаться с их требованиями, мог крепко об этом пожалеть. Прекрасные леди стреляли и фехтовали ничуть не хуже джентльменов, а дамские альянсы были на редкость сплоченными и иногда существенно влияли на политическую обстановку. Я лично встречался с двумя диктаторшами, за обаятельными улыбками которых скрывалась такая сила духа, какой порой не обладали и одержимые. И все это непременно в сочетании с дьявольской красотой... В моем родном мире я побаивался и недолюбливал таких женщин, здесь пришлось научиться их уважать.

Пожив немного в Терра Нубладо, я выявил еще одну любопытную особенность: скиталицы не старели, по крайней мере внешне. Доживая до возрастного предела, за которым начинается столь пугающее женщин увядание, красавицы туманного мира словно замораживали для себя ход времени, продолжая оставаться на пике своей красоты. Возраст читался у них только в глазах, однако это лишь усиливало женские чары: сногшибательная внешность в сочетании с умудренным взглядом... Этого было вполне достаточно, чтобы заставить неровно дышать даже хладнокровного Проповедника.

Нашего же брата-скитальца старость была безо всяких поблажек, но была толково – не превращала в немощных развалин, а лишь закаляла. Мы старели, как хорошее вино – во многом это шло нам только на пользу. Морщины и шрамы чеканили наши лица, головы седели либо лысели, фигуры теряли стройность и становились кряжистыми. Но спасибо Балансу: глаз оставался точным, а рука не дрожала. Такой старости можно было не бояться, только далеко не всем скитальцам довелось побывать в шкуре матерого ветерана. До седой бороды доживал редкий пилигрим – счастливчик, который избежал клинков и пуль, не полевившись в молодости достичь совершенства в искусстве выживания. Либо это был невероятный приспособленец, наподобие маэстро Гвидо, обладавший достаточной гибкостью ума, чтобы вовсе обходиться в этом мире без оружия.

С оседлыми все обстояло иначе. Среди них было полно и согбенных древних старух, и дряхлых старцев, разве что, как я уже напоминал, обладающих на зависть крепким здоровьем, не соответствующим их преклонным годам. Что вынуждало оседлых стареть по совершенно отличным от скитальцев критериям? Неужели причина крылась только в различных укладах жизни? Впрочем, эта загадка имела гораздо больше логичных объяснений, нежели причуды местной воды и вечный туман на горизонте.

Во взгляде Анны читался ум, что было вполне естественно для скиталицы, избравшей непопулярную среди бродячего люда стезю лекаря. Легкомысленная дурочка не тратила бы время, постигая науку приготовления из трав целебных зелий – такая женщина нашла бы себе более увлекательное занятие. Анна была уже не молода, но выглядела так, что в сравнении с ней меркла половина фотомоделей моего родного мира. Светлые волосы, выдающие в ней уроженку севера; короткая прическа «а ля Жанна д'Арк», больше характерная для воинственных амазонок; миловидное лицо, чувственные губы, роскошная фигура... В общем, сплошные достоинства и никаких недостатков. Женщина моей мечты, как и остальные полсотни, встреченные мной за день...

– Ты цела? – поинтересовался я на всякий случай, хотя видел, что Анна не пострадала. Да и заработай она пару синяков, выведет их за пару минут своими снадобьями. Но спросить все равно необходимо: незачем оставлять о себе негативные впечатления.

– Надо же, какой он теперь заботливый! – уперла руки в бока Анна. – Не слишком ты обо мне переживал, когда по этому мерзавцу стрелял! Мог ведь и промахнуться! Я слышала, такое уже бывало.

– Бывало, – признался я. – Но попадаю я все-таки чаще...

Входная дверь затряслась от ударов, и уже знакомый голос неудачливого дуэлянта Броди взволнованно прокричал:

– Эй, есть кто живой?! Анна, что у тебя за пальба?! Открывай, а то вся улица сбежится! Анна, ты в порядке? Слышишь или нет? Помощь не нужна?..

– К тебе пациенты, – кивнул я на дверь. – Между прочим, полдня уже порог обивают.

– Да в курсе уже... Давай-ка сначала тебя осматрю. – От наметанного взгляда Анны не ускользнуло, как неловко ядвигаю простреленной еще на берегу рукой. – Ты заработал право пройти без очереди.

– Сутки терпел, потерплю еще час, – отмахнулся я. – У этих парней дырки в шкуре посерьезней.

– Как пожелаешь, – ответила она. – Тогда сделай маленькое одолжение: пока я вожусь с этими крикунами, прибири здесь немного, если не затруднит.

И Анна указала на обезображенный труп на полу. Действительно, беспорядок. Разверзнутая голова мертвого пирата покоилась на коврике, украшенном приветливой надписью «Добро пожаловать», а ботинки незваного гостя, конечно, не привлекали бы в прихожей внимание, если бы не торчащие из них начисто отстреленные лодыжки.

– Сам намусорил, сам и приберусь, – пообещал я, хватая покойника за ремень и оттаскивая его к черному ходу. На меня наконец-то навалилось долгожданное облегчение – шайка Твердолобого ушла в прошлое, и скоро на Пуресе вновь станет не продохнуть от торговых ланч. Теперь от маэстро Гвидо мне причиталась солидная премия, тратить которую я, пожалуй, буду как обычно – отправлюсь в столицу; там есть где посорить монетами. Осталось только подлатать плечо да прояснить вопрос с Кассандрой Болтливый Язык, и дело в шляпе – больше меня в фуэртэ Транквило ничто и никто не держит.

Спокойный захолустный городишко – фуэрте Транквило. Мало чем примечательный, однако именно здесь закончилась история бродячего Проповедника и началась другая – Арсения Белкина, человека, воскресшего из небытия после двадцати пяти лет глухого забвения. И кто только решил, что воскрешение следует воспринимать как благо? Считаться мертвым намного спокойнее, уж поверьте мне, как бывшему мертвецу...

– Проклятье, не так сильно!

– Неужели больно? Или ты меня разыгрываешь? – удивилась Анна, отдернув руки от моего плеча после того, как я вздрогнул. Смоченный в целебном зелье тампон вошел в рану слишком резко и надавил на сидевшую в плече пулю...

– Не скажу, что это приятно, – проворчал я. – А что, я у тебя первый, кто жалуется?

– Сказать по правде, такую живую реакцию я вижу впервые, – подтвердила эскулап в юбке. – Ты отреагировал так... реально, что я и впрямь поверила, будто бы ты...

Она не договорила.

– Живой человек? – закончил я.

– Не начинай, пожалуйста! – взмолилась Анна. – Эта тварь, которая мне весь день испоганила, столько на Мертвую Тему трепалась, что я удивляюсь, как вообще до сих пор на ногах стою. Но с другой стороны... Да, и впрямь любопытная реакция. Словно мы с тобой не здесь, а... там...

– Где – там?

Анна не ответила, вернулась к извлечению пули.

– Раньше никто за мной ничего ненормального не замечал, – признался я.

– А раньше тебя осматривали лекари-скитальцы?

– Нет.

– Значит, в этом причина. Оседлым не дано отличать настоящую боль от... – Она поморщилась. – Нет, не следует нам это обсуждать. Давай закроем данную тему, а то никакого исцеления не получится. Глупо лечить ожог, держа руку над огнем.

Я хотел возразить, что глупо также гасить пламя моего любопытства, когда оно только разгорелось, но пожалел Анну, у которой и без того выдался тяжкий день.

– Что тебе известно о Кассандре Болтливый Язык? – спросил я, повинувшись просьбе и меняя тему.

– Шаталась недавно по городу такая скиталица, предсказательница будущего, – подумав несколько секунд, вспомнила Анна. – Все о новых сказочных мирах рассказывала, да говорят, так красочно, что поневоле заслушаешься. Потом эта прорицательница пропала. По-моему, она сумасшедшая. Но из тех сумасшедших, которые безобидные. Так ты и за ней охотишься?

– Да, – подтвердил я. Добавлять, что ищу одержимую по собственной инициативе, не стал – могли возникнуть пересуды. Впрочем, если Анна вхожа во дворец, пересуды о Проповеднике в любом случае возникнут – надо же о чем-то придворным красавицам на светских раутах трепаться? – Ты встречалась с Кассандрой?

– Нет, не рискнула... Поговаривали, что иногда во время прорицаний ее в Мертвую Тему заносило... Больно мне надо такое сомнительное развлечение! Захочу развлечься – пойду на представление бродячих музыкантов. От их песен здоровье не ухудшается.

– Не знаешь случайно, куда Кассандра направилась?

– Понятия не имею, – пожала плечами Анна, выбрасывая использованный тампон и вытирая руки полотенцем. – Но, возможно, Фило знает. Он с Кассандрой общался, и довольно долго.

– Диктатор – с прорицательницей? – усомнился я. – Чего он от нее хотел?

– А что всем нужно от Кассандры? Будущее. Раз надо, сходи да сам у Фило спроси. Или предпочитаешь бегать по всему городу и выискивать тех, кто выслушивал истории Кассандры? Ну, если нравится самому усложнять себе задачу, тогда дерзай.

– Спасибо за добрый совет. И за помощь спасибо. Как заново родился, честное слово...

И впрямь, самочувствие после лечения было превосходным. Нарывающая в плече пуля, обработанная специальным раствором, уменьшилась в размерах и сама постепенно вышла из раны вместе с густой мутной жидкостью – так, словно кто-то медленно выдавливал пулю изнутри, при этом не забывая смазывать ее обезболивающей мазью. Едва пуля очутилась в гибких пальцах лекаря, рана сразу закрылась, безо всяких швов и крепок. И вся эта полумистическая операция, которую на мне проводили уже множество раз, протекала практически бескровно – кровь перестала течь, как только Анна промыла рану еще до извлечения пули. Можно было даже не накладывать повязку – я был абсолютно уверен, что ни опухоли, ни нагноения не появится. Чудодейственная сила трав Терра Нубладо была готова оберегать мое плечо вплоть до полного исцеления.

Напоследок Анна принудила выпить меня какой-то терпкий настой, от которого мне окончательно захорошело. Нахлынувший прилив бодрости на корню уничтожил усталость и поднял настроение. Великолепные ощущения! Оседлые лекари сроду не отпаивали меня такими отварами. Я прямо сейчас был готов ринуться в бой с новой компанией одержимых, объявись она поблизости.

Напоив меня, Анна налила и себе полстакана того же настоя, после чего выпила его залпом, словно горький амарго.

– Мой секретный рецепт, – доверительно поведала она, облизнув губы. – В Терра Нубладо никто, кроме меня, не угостит тебя этим бальзамом. Чувствуешь что-нибудь?

Я сосредоточился на ощущениях: нигде не болит, не ноет. Приятно – не то слово... Стоп, а это уже что-то новенькое. Или Анна вышла на свет и я по-иному взглянул на нее, или мне давно не доводилось бывать наедине с прекрасной женщиной, однако то, что я испытывал сейчас к Анне сильное влечение, было очевидно. И чем дальше, тем влечение это становилось все неудержимее и неудержимее. Целительница же пока ни намеком не выказала мне свое благорасположение. Лишь стояла, склонив голову набок, и с улыбкой наблюдала, как я пожираю ее глазами, а ноздри мои возбужденно раздуваются. Похоже, об этом она и спрашивала, поскольку иные чувства во мне не зарождались. А если и зарождались, животный инстинкт влечения душил их в зародыше.

Меня здорово беспокоило это вожделение, уже почти не подвластное контролю. Обычно я контролировал свои поступки, теперь же от крепких цепей моего самоконтроля осталась какая-то жалкая тонкая проволока. И та вот-вот норовила лопнуть. И когда это случится, я совершу позорнейший поступок, до которого не опускался даже в прежней ипостаси отъявленного негодяя и пьяницы.

Я сидел вцепившись в стул, трясся от безумного желания и боялся даже пошевелиться. Скрыться из дома Анны паническим бегством являлось самым простым способом сохранить благородство. Только я прекрасно знал, что едва встану на ноги, как брошусь не к двери, а на несчастную женщину, которой от озверелого сексуального маньяка уже точно не скрыться.

– Я называю этот чудо-коктейль «Провокатор», – просветила меня Анна, одарив при этом игривой улыбкой, от которой я чуть не взвыл, как жаждущий случки цепной кобель. – Обожаю наблюдать, как «Провокатор» действует на неподготовленного пациента. За столько лет еще ни одной осечки. Однако надо признать, ты крепкий парень – держишься. Если бы сама не угостилась, проверила бы ради интереса, слабо тебе побить рекорд долготерпения или нет. Пожалуй, не побьешь, готова поспорить... но не буду. До постели паинькой дойдешь?

– Где... она?!

– Нет, не дойдешь, уже вижу... Но на полу – не хочу, уж извини мягкотелую... Ладно, сиди здесь, пока не позову. Куда бежать, найдешь – по лестнице на второй этаж, и первая дверь направо. Потерпи минуту – я быстро.

И, покачивая бедрами, удалилась, не забыв одарить меня на пороге комнаты многообещающим взглядом.

Редко в моей жизни выпадали такие длинные минуты, это точно. Табурет подо мной скрипел от ерзания, а мысли в голове вытеснил один всепоглощающий вопрос: «Когда же наконец?» А чертовка Анна нарочно не торопилась, отчего вскоре у меня возникла уверенность, что ее спальня расположена не в доме, а на окраине города.

Однако с гордостью рад сообщить: фальстарта не произошло. И когда спустя вечность, а в действительности – пару минут, с верхнего этажа до меня долетел задорный голос моей обольстительницы, я сорвался с места резвее спринтера-олимпийца. Опрокинув стул, свернув кушетку, стукнувшись затылком о косяк и споткнувшись на лестнице, но я добежал до спальни еще до того, как зов Анны умолк. И пусть соперников в этом забеге у меня не было, я летел к финишу с такой прытью, словно на кону стояла моя собственная жизнь.

За героическое терпение и целеустремленность мне причитался достойный приз, и я сумел в полной мере оценить это немного погодя. А также оценить термоядерную мощь «Провокатора», способного не только взрывать низменные желания, но и наделять энергией для их осуществления. Все на свете бы отдал, чтобы в старости иметь под рукой такой «костыль», в сравнении с которым пресловутая «виагра» – безвредное плацебо. Однако что-то подсказывало мне – Анна не выдаст рецепт своего дьявольского зелья даже под пытками. Да и о каких пытках речь? К утру у меня просто не останется сил пытать Анну...

Слагать оды в честь «Провокатора» я мог бы долго, и ни одна из них, даже самая возвышенная, не явилась бы преувеличением. Попроси меня Анна разрекламировать ее товар, я без возражений превратил бы свой плащ-накидку в рекламный плакат и расхаживал по Терра Нубладо с начертанным на спине призывом покупать лучшее в мире (да что там в мире – в обоих из миров!) средство для поднятия... точнее неудержимого взлета потенции. И не брал бы за это никаких денег. Ну, разве что в знак благодарности попросил бы дать мне возможность периодически пополнять свою походную фляжку рекламируемым продуктом.

Не знаю, как Анна, наверняка привыкшая к немереной резвости дегустаторов своего любовного коктейля, а я остался в восторге от его «послевкусия». Вдобавок к нему, сама чародейка удивила меня как эксперт в вопросах рационального использования моего многократно возросшего сексуального потенциала. Даже в юные годы Арсений Белкин не демонстрировал такую недюжинную прыть и выносливость племенного жеребца. В моменты, когда мой рассудок ненадолго возвращался на бренную землю, я опасался, как бы завтра не пришлось потратить день на починку кровати. Та ходила ходуном уже несколько часов кряду. Но страхи были беспочвенны. Мебель у Анны обладала отменной «сейсмоустойчивостью», поскольку явно была сделана на заказ, с учетом пристрастия хозяйки к подобным развлечениям.

Естественно, что под утро я отрубился без задних ног, провалившись в здоровый глубокий сон, о котором в последнюю неделю приходилось лишь мечтать. В незнакомом городе

это выглядело в высшей степени неразумно, притом я не помнил, где я побросал оружие: возле кровати или по пути в спальню. Я спал как младенец, зная, что за мной неотступно следуют шпионы диктатора! Тот факт, что у Фило не было оснований считать меня врагом, не оправдывал подобной безалаберности.

Говорят, любовь слепа. Правда, подразумевают при этом совсем иное, но к моему случаю такое утверждение тоже подходило. Проповедник дал так легко себя ослепить и лишиться сил, что перережь ему кто во сне глотку, я бы тому ублюдку только спасибо сказал. За урок, что нельзя терять бдительность при моем рискованном образе жизни.

И все же ради столь потрясающей ночи не жаль было пожертвовать и жизнью...

Отплатив за лечение и курс «восстановительной терапии», я спал и видел сон. Казалось бы, что тут необычного – сон да сон. Только это был первый сон, увиденный мной в Терра Нубладо. Причиной внезапного наплыва сновидений следовало считать опять же чудодейственный «Провокатор» – иного объяснения феномену не было. Длительный период жизни без снов вынудил меня почти забыть, что это такое – ночные грезы. Может быть, поэтому, когда сновидения вернулись, они показались мне такими потрясающе реальными...

Мир, в котором я очутился во сне, был еще больше не похож на Терра Нубладо, чем мой родной. Но я не принял его за очередной «загробный», потому что оказался здесь не один, а в компании маэстро Гвидо. Он-то мне сразу без обиняков и объяснил, что все происходящее вокруг – всего лишь бред моего спящего сознания. В доказательство этому Зануда сначала бесследно растворился в воздухе, а затем материализовался вновь, наряженный в откровенно несуразный костюм. Подобных выкрутасов Гвидо раньше не выкидывал, и я немедленно с ним согласился: да, маэстро и все остальное мне всего лишь снится.

Не успел я восхититься талантами «маэстро Гуддини», а он уже обрадованно тряс мою руку и твердил, что, дескать, я и вообразить себе не могу, как он рад моему появлению в моем же сне! Да уж, где, как не во сне, тебя еще поздравят с таким событием! Впрочем, я тоже сейчас испытывал радость. Разве не здорово вернуть себе цветные сны – один из лучших атрибутов прошлой жизни?

– Ты бы видел себя со стороны! – рассмеялся я, увидев, во что вырядился Зануда после своего секундного исчезновения.

– На себя посмотри! – презрительно хмыкнул маэстро.

Только теперь я обратил внимание, что стою перед ним в чем мать родила; каким заснул на постели у Анны, таким и угодил в собственные сновидения. А Гвидо в отличие от меня щеголял хоть в необычном, но пристойном наряде: форме французского королевского мушкетера, знакомой мне по многочисленным экранизациям произведений Дюма. Была у Зануды и шпага, на эфесе которой он важно держал украшенную сверкающими перстнями руку.

– Да, ты прав: неприлично разгуливать в голом виде по собственным снам, – согласился я, вертя головой и выискивая, чем прикрыть наготу. Как назло, ничего подходящего на глаза не попадалось, даже лопухов. – А далеко отсюда до твоей карнавальной лавки?

– Ты меня удивляешь! – всплеснул руками Гвидо. – Забыл, где находишься? Это же сон – в нем нет ничего невозможного! Можешь превратиться в кого угодно, надо только загадать желание. Не стесняйся, попробуй и посмотри, что получится.

Что ж, если наряд Гвидо являлся плодом его фантазий, то почему бы и мне не одеться во что-нибудь сообразное вкусу. Черный сюртук и всесезонный плащ-накидка Проповедника, без которых я себя уже не представлял, успели мне порядком надоесть.

А ну-ка, наморщим лоб и задействуем фантазию! Тяжеловатое занятие... Жизнь в Терра Нубладо давно отучила меня пользоваться той половиной головного мозга, что отвечала за воображение. Однако получилось! На мушкетерский наряд фантазии не хватило, а вот на кое-что попроще...

Увидев костюм, в который я облачился при помощи лишь усилия мысли, маэстро Гвидо выпучил глаза и, как мне показалось, едва не выхватил шпагу. И правильно сделал, что не выхватил: мое-то оружие выглядело куда внушительнее.

– Люк Скайуокер? – недоверчиво осведомился Зануда.

– Ага, так, значит, тебе знаком этот парень! – победно воскликнул я, выпуская зеленый луч светового меча.

До меня вдруг дошло, что пребывание во сне полностью избавило нас от гнета Мертвой Темы. Оpozнав меня «в образе», Зануда произнес все слова, от которых в Терра Нубладо уже скривил бы страдальческую гримасу.

– Равно как и капитан королевских мушкетеров де Тревиль, – признался маэстро и напомнил: – Это же твой сон! И только тебе решать, с кем я знаком, а с кем нет.

Даже здесь умудрился выкрутиться, хитрая дипломатическая морда! И ведь не боится, что я могу обидеться и вытолкать его из моих грез в три шеи!

– Эх, зря ты сказал, что это сон... – печально вздохнул я, оглядев окрестности. – Лучше бы я думал, что меня наконец-то впустили в рай...

Главное отличие «сонного рая» от Терра Нубладо, олицетворявшего для меня что-то вроде мягкого ада общего режима, заключалось не в буйстве красок и возможности импровизировать с собственным обликом. В кои-то веки мне довелось снова узреть горизонт! Настоящий далекий горизонт, не скрытый за пеленой тумана! Дорога, на которой стояли мы с Гвидо, была проложена по вершине длинной холмистой гряды и вела в видневшийся вдалеке город. Панорама с возвышенности открывалась потрясающая. У узника туманного мира от такого великолепия просто перехватило дыхание. А как здесь дышалось! Полной грудью, легко и совершенно непринужденно. Мысль о том, что рано или поздно мне предстоит просыпаться и возвращаться в реальность, удручала. Я чувствовал себя неизлечимо больным, которого вывезли из госпиталя в санаторий и который теперь стремился надышаться перед смертью.

Холмы, дорога и город находились в пойме широкой реки, текущей по правую руку от нас. Слева, у подножия холмов, вытянулась цепочка мелких прозрачно-голубых озер, окруженных густыми ивами, будто глаза красавицы – пышными ресницами. За озерами начинались каменистые отроги гор, чьи заснеженные пики белыми клыками вздымались вдали. А река, вверх по течению которой мы двигались, низвергалась с высоченного плато, образующего на относительно ровной линии горизонта внушительную ступень. Шум гигантского водопада был слышен уже отсюда, а солнце играло в облаках водяной пыли негаснущей радугой. Должно быть, вблизи ревущая лавина воды выглядела воистину жутко, хотя издали тоже впечатляла. Ниагарский водопад смотрелся бы на фоне этого чуда природы лишь бледной маловодной копией – качаемый ветром дистрофик рядом с борцом сумо.

Однако при всем своем великолепии водопад притягивал взор не так, как раскинувшийся прямо перед нами город. В моем словарном запасе не имелось лаконичного и емкого сравнения, чтобы вкратце охарактеризовать это творение неизвестно чьих рук. Грандиозное? Но подобный эпитет был в полной мере применим и к египетским пирамидам, а под их размеры в городе моего сна подпадали разве что бордюрные камни. Бездонное голубое небо позволяло рассмотреть, как высоко вздымались шпили городских сооружений, архитектурный стиль коих я бы обозначил, как «хаотическая гармония». Градостроителем тут явно служил абсолютно безумный гений. Только такому архитектору было под силу смешать в одном котле все существующие и даже пока не существующие стили архитектуры и отлить из получившегося сплава свой шедевр.

Романский стиль, готика, барокко, ренессанс, классицизм, ампи́р и прочие стили – все эпохи смешались здесь в причудливой замысловатой гармонии. Заоблачной высоты дворцы, соборы, минареты, пагоды... Собрать их в одном городе уже выглядело кощунством над

здравым смыслом. Все эти монументальные творения соседствовали с угловатыми урбанистическими колоссами моей родной реальности, а к ним примыкали и вовсе абсурдные футуристические сооружения. Последние удивляли еще и тем, что, обладая зачастую асимметричными пропорциями и как следствие этого плохой устойчивостью, каким-то чудом не рушились под собственной тяжестью.

Никакого малоэтажного пригорода к этому, больше смахивающему на мираж городу не примыкало. Здания-горы каменным оазисом возвышались посреди бескрайней дикой природы и, казалось, готовы были исчезнуть бесследно, едва солнце скроется за тучи. Прозрачность картины также подчеркивалась полной безжизненностью, царившей в городских лабиринтах. Ни разноцветья рекламы, в потоках которой тонули мегаполисы моего мира, ни продвинутого летающего транспорта, что просто обязан был иметься у людей, способных сооружать такие высотные постройки. Пустынна была и дорога, по которой шли мы с Гвидо. Даже следов проехавших по ней колес не наблюдалось. Однако я бы не сказал, что город и дорога выглядели заброшенными. Складывалось впечатление, будто люди, соорудившие эти каменные колоссы, просто не планировали в них жить. Сделав свое дело, градостроители ушли, не дожидаясь, когда в городе появятся первые жители. Исчезнувшие творцы оставили после себя идеальный порядок, а те, ради кого они старались, почему-то запаздывали.

Уж не нам ли с Занудой была оказана великая честь вступить первыми в сказочный город? Любопытно, за какие заслуги...

Увлечшись окружающей обстановкой, я как-то запамятовал, что именно я и являюсь тем самым архитектором, неуемной фантазией которого мне пришлось восторгаться. Это был мой сон, а следовательно, и мир этот тоже принадлежал мне. От осознания невероятной истины голова моя закружилась, перед глазами все поплыло и я с ужасом почувствовал, что вот-вот проснусь. Какая досада: первый яркий сон за столь долгое время, а оборвется он, едва начавшись...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.